

ТАКИЕ
СМЕШНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ

Маргарита ЮЖИНА

Хозяйка
нудистского клуба

Маргарита Эдуардовна Южина

Хозяйка нудистского клуба

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161189

Южина М. Хозяйка нудистского клуба: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23866-8

Аннотация

Да разве можно оставлять мужей без присмотра! Клавдия беспечно отбыла на отдых, позволив Акакию наслаждаться временной свободой. И понеслось! Первый же вечер Кака коротал с одной сомнительной во всех отношениях девицей, наутро его бессовестно надула другая, в результате чего семейный кошелек полегчал на сто тысяч рублей. Несчастный Акакий решил скромненько утопиться, не напрягая домочадцев. Тем временем Клавдия напропалую шалила с молодым человеком, которого застрелили практически у нее на глазах. Обвинили во всем Клаву. Но выход есть: супругам надо объединить усилия и расследовать убийство за приличный гонорар. Тогда одураченный Кака вернет денежки, а Клоди – свое доброе имя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Маргарита Южина

Хозяйка нудистского клуба

Глава 1

Дама с собакой

– Ну и что ты мне, Клавочка, журнал-то тычешь? Что ты там такое нашла? Это же погребальное покрывало, а вовсе не наряд для хозяйки нудистского клуба! – кипятилась Агафья Эдуардовна, откидывая журнал мод. – Ты мне что-нибудь эдакое дай, с голым пупком, чтобы дикое мини, чтобы топик на бретельках-ниточках, чтобы грудь играла...

– Побойтесь бога, Агафья Эдуардовна! Какой пупок? Вам же в прошлом году семьдесят лет стукнуло! И потом, с чего вдруг у вас грудь взыграет, если ее отродясь и не водилось, груди-то... – не удержалась Клавдия Сидоровна. – Вы меня, конечно, дико извините, но вам сейчас самое время переходить на восточную моду – чтобы вся вы были загадочно в паранджу завернуты, а наружу только глаза... и то, если пластику сделаете, чтобы гусиные лапки убрать. А то мини ей, да еще дикое...

– И кого я удивлю своими глазами? – как на злобно-го алиментщика, уставилась на подругу Агафья Эдуардов-

на. – Я же тебе, Клавочка, битый час твержу – у меня сезон начался! Мужики стаями слетаются. Ста-я-ми! А девчонок нет совсем, потому что погода холодная. Ну и как мне удержать этих весенних самцов? Ой, я хотела сказать – скворцов, не то вылетело... Так чем их брать-то? Вот и приходится брать эпатажем – бретельками, голыми бедрами да декольте... Между прочим, на молоденьких девочках это уже примелькалось. А вот на дамах в возрасте... Сама увидишь, что обо мне в газетах напишут. Скандальчик забабахают – пальчики оближешь! Весь город у меня на пляже растянется! Так что листай, Клавочка, журнал, будем мне откровенные одеяния выискивать... Как ты думаешь, если я закажу себе вот такую прозрачную тунику, она не слишком скроет фигуру?

– А я бы на вашем месте, любезная Агафья, обратила внимание на это бикини, – пискнула Катерина Михайловна, све-кровь Клавдии Сидоровны. – Ужас до чего млею от свободных одежд! Все тело так и дышит, так и дышит...

Клавдия Сидоровна только судорожно сглотнула и даже не нашлась, что ответить.

Вообще, сама себя она считала женщиной... скажем так – зрелого возраста. У нее имелся взрослый, тридцатилетний сын Данил, крупный бизнесмен, дочь Анечка, которая усердно трудилась в милиции, охраняя покой мирных граждан, и даже внучка Яночка, милое дитя дошкольного возраста. Понятное дело, что при таком раскладе Клавдия Сидоровна ни за какие коврижки не согласилась бы обрядиться в детский

сарафанчик или, срам какой, в ниточки-веревочки, которые отчего-то решили назвать купальником. Да и где она те веревочки на своем могучем теле потом найдет? Дамы, которые сейчас сидели с ней за одним столом, были и вовсе возраста внушительного, однако ж нимало этим не смущались и выискивали в журнале себе весьма откровенные фасоны. И если Агафью Эдуардовну понять хоть как-то можно – бизнес и не на такое толкнет, то уж одомашненную Катерину Михайловну, почтенную прабабушку Яночки, Клавдия понимать отказывалась наотрез.

– Совершенно чудесный комплект, совершенно! – точно больная курочка, закатывала тем не менее глазки Катерина Михайловна. – А какие кокетливые завязочки на бюстье, вы обратили внимание?

– Ма-ма-ша! – наконец очнулась Клавдия. – Какие завязочки? Вы ж... вы ж их завязать не сможете! Вас же скрючит, простите за прозу жизни!

– А вот для этого у меня имеется супруг. Вот так-то, моя девочка! – озорно подмигнула шалунья. – Доложу вам по страшному секрету, ему хлеба не надо – дай всякие шнурочки-завязочки распутать... хи-хи...

Клавдия только ухватилась за голову и глухо простонала. Хотя... от своей свекровушки она могла ожидать чего угодно.

Катерина Михайловна еще в семьдесят лет аккуратно поставила кляксу на дату своего рождения в паспорте и с тех

пор считала себя женщиной без возраста. И мало того, что она сама в это верила, так ей еще удалось убедить в том же наивного Петра Антоновича. Тот не смог устоять перед чарами прелестницы и вот уже год считался ее законным мужем. Петр Антонович был завидным женихом, потому как имел собственную жилплощадь. Поначалу «молодые» жили именно там, но потом они решили, что квартиру можно сдавать в аренду, деньги забирать себе, а проживать с детьми – получается намного веселее и выгоднее. Ни Клавдия, ни ее муж, Акакий Игоревич, не смогли им доказать обратное, а потому сейчас они проживали все вместе.

– Ну хорошо, с нарядом я разберусь... – решительно хлопнула журнал Агафья Эдуардовна. – Но вот что мне с женщинами делать? Где их взять? Никак не хотят наши красавицы морозиться, даже мужчины их не прельщают! А ведь еще день-два и уйдут мужчины-то, уйдут... Такие деньги уплывают...

Свекровушка Клавдии встрепелась.

– Прямо мне неловко слушать вас, честное слово! – заелозила она на стуле и бросила виноватый взгляд на Клавдию. – Вы, Агафьюшка, мне жгучую обиду прямо в сердце наносите, даром что бизнес-леди. Женщин она не видит! А мы с Клавочкой кто, морские креветки, что ли? Вот если вспомнить старую русскую пословицу, то мы явно услышим: «За одного битого двух небитых дают». Так что я, например, смело могу заменить вам двух молоденьких, небитых девиц. И

не смотри на меня, Клавочка, такими глазами! Я за свои слова отвечаю. Я все пословицы помню, у меня память, знаешь какая... О-го-го!

Клавочка не просто «смотрела такими глазами» – она буквально пожирала свекровь взглядом.

– Ну а если «о-го-го», – прошипела она, – тогда вы должны помнить, что через три дня улетаете с Петром Антоновичем на его историческую родину – провожать его матушку в последний путь, старушка собралась-таки на вечный покой.

Катерина Михайловна только безнадежно махнула рукой.

– Ты, Клавочка, лучше моего знаешь: каждое лето, ровно первого июня, моя свекровь вызывает сына и прощается с ним... навечно...

– Но, простите, у нее же возраст! – не утерпела Агафья Эдуардовна.

– Да, у нее возраст! – вскипела Катерина Михайловна. – А у меня нервы! Потому что умирать она все равно не умирает, а меня не переносит категорически и всякий раз спрашивает Петра Антоновича, где он выбрал себе такую старую обезьяну в жены. Причем обезьяна, по ее мнению, это я!

Клавдия смачно хрюкнула, подавив смешок, и кинулась убирать журналы.

– Так я к вам приду... – как ни в чем не бывало предупредила Агафью Катерина Михайловна.

– Мамаша, не вздумайте! – рыкнула на нее Клавдия. – Ваш сын не переживет позора. И муж тоже. Он еще сам не насла-

дился вашей красотой...

Последний аргумент сломил перезрелую ветреницу, и она, пряча глаза от смущения, стала вертеть из подола домашнего платья кургузые розочки.

– Пойдемте, Агафья Эдуардовна, я провожу вас, – кинулась к госте Клавдия. – Я вам непременно позвоню, непременно... У меня уже есть кое-кто на примете, пойдемте...

Агафья задерживаться не стала, у нее каждая минута была на счету, а сегодня они и так заболтались.

Проводив Агафью, Клавдия улеглась в своей комнате и задумалась.

В сущности, за свою супружескую жизнь ей краснеть не приходилось. Они как встретились с Акакием Игоревичем, так сразу и поженились. И никаких у нее посторонних интересов никогда не водилось, а Жорочка не в счет. И даже мыслей порочных никогда не мелькало. И сейчас не мелькает, только... Да ведь ничего же страшного не случится, если она поможет Агафье сохранить бизнес, а заодно самую точку загорит, искупается в прохладных водах на ухоженном пляже, сходит... Да нет же, не налево, а к массажисту! И потом, Агафья Эдуардовна столько всего перетерпела, прежде чем ее нудистский клуб стал приносить доходы, столько на ее долю выпало! Нет, Клавдия просто не может оставить подругу в беде, не напрасно же Агафья прибежала именно к ней. Правда, она заскочила якобы только для того, чтобы выбрать себе новый летний гардероб – невестка Клавдии Ли-

личка в тряпках просто вундеркинд! Но... боже мой, кого Агафья хотела обмануть? Клавдия же понимает, что подруга постеснялась открыто предложить ей двадцатидневный отдых в своем клубе. Решено, Клавдия завтра же отправляется к Агафье Эдуардовне. А домашние... Ой, ну побудут они дома какое-то время одни, им это только на пользу пойдет: Акакий станет больше ценить жену, свекровь поймет, что стоять возле плиты каждый вечер – вовсе не голубая мечта каждой невестки, а Петр Антонович... Да пусть он думает что хочет!

– Клавочка! – раздался назойливый стук в ее дверь. – Клавочка, сейчас наши мужчины придут из гаража. Ты уже придумала, чем их удивить на ужин? Надеюсь, ты помнишь, что вчерашнее молоко Петр Антонович пить не станет? А сегодняшнего ты не покупала.

Ох, господи! Еще и молоко... Конечно, Клавдия не купила свежего молока. Но она вообще сегодня не ходила в магазин: решила сэкономить – и без того полный холодильник. Глубоко и обиженно – не дали отдохнуть! – вздохнув, она вышла из комнаты и затрубила:

– Мамаша, а мы ему не скажем, что оно вчерашнее. Вот удивится!

«Мамаша» хотела возмутиться по полной программе, но в это время действительно вернулись мужчины.

– Слышу-слышу! – по-военному гаркнул Петр Антонович с порога. – Пахнет жареной курочкой и печеными пирожка-

ми!

У Клавдии вытянулось лицо – ей бы такой нюх. У них и в помине никакой курицы не жарилось, и тем более пирожков, а новоявленный свекор учуял.

– А вот и нет, вот и нет! – непонятно отчего, радостно захлопала в ладоши Катерина Михайловна. – Не угадали! Клавочка будет потчевать нас вчерашними кислыми щами. И молоко ваше, милый друг, прокисло, но только мы это держим в страшном секрете. А пирогов она уже сто лет не стряпала, наверняка беспокоится за свою фигуру. Кака, хоть бы ты ее вразумил, не дело же на ближних отыгрываться!

Акакий Игоревич, то есть Кака, как его с любовью называли родственники, сурово набылчил брови и задергал кадыком.

– И в самом деле, Клавочка! – задергал он плечиками, как мокрый воробышек. – Я уже давненько хочу пирожков, например с капустой. И с ливером бы не отказался...

И тут с Клавдией Сидоровной случилось непредвиденное. По-бурлацки крикнув, она стала заваливаться на своего супруга, который все еще лопотал оду пирожкам. Тщедушный Кака габаритов жены вынести не мог и взвыл:

– Мама-а-а! Ну Петр же Антонович! Да помогите же мне... вылезти из-под... Клавдия, держи себя в руках! Ой, ну куда же ты меня... к стене...

На помощь Акакию ретиво кинулся Петр Антонович. Он вообще с трепетом относился к женщинам выдающихся

форм, а к своей невестке в особенности.

– Так-так... Клавочка, обопритесь на меня! – крутился он возле завалившейся дамы. – Обнимите меня за шейку... смелее-смелее... Катерина! Немедленно сбегай за врачом, а мы Клавочку... поперем на постельку... Ух ты, сколько женщины!

Катерина Михайловна понимала, что бежать куда-то надо – еще не было такого, чтобы Клавдия вот так взяла и рухнула оземь, однако ж и супруга оставлять в такой сомнительной, даже, можно сказать, слегка пикантной ситуации... Вон, у него даже щечки порозовели, у паразита!

– Никуда бежать не надо, – умирающим лебедем пролепетала Клавдия. – Я сейчас... помаленьку сама... Тимка, гад такой! Быстро брысь с моей кровати, только-только чистую простынь постелила, а ты с грязными лапами! – чуточку забылась она, прогоняя кота, но тут же снова вошла в образ. – Ой, осторожненько... Кака, принеси мне телефон... Да где ты ищешь-то? Вон он лежит, рядом с телевизором. Позвоню-ка я Жоре, пусть он меня в санаторий отправит...

Все домашние мгновенно насторожились.

– И меня тоже, – быстро сообразила Катерина Михайловна. – Я вот тоже... Ой! Что это со мной, а?

И дама тут же брякнулась на диван, ухватившись за сердце.

– Петр Антонови-и-ич! Немедленно ко мне! – раздался ее требовательный писк.

– Акакий, утащи матушку в нашу спальню, пусть там отлеживается, – скомандовал тот и принялся заботливо поправлять одеяло на Клавдии.

Кака с облегчением направился к матушке – у той весовая категория была, как у кота Тимки, их всеобщего любимца.

– Не надо меня никуда таскать! – недовольно рявкнула родительница. – Кака, тебе же Клавочка русским языком сказала – позвони Жоре, пусть он нам закажет две путевки в санаторий.

– Зачем две-то, интересно знать? – уселась на кровати Клавдия и даже прищурила глаза от гнева. – Это мне плохо сделалось! От непосильной работы, между прочим. А вам, мамаша, если дурно, так мы вас запросто можем определить в больницу, на процедуры. Потому как в вашем возрасте со здоровьем не шутят.

Катерина Михайловна от негодования аж подпрыгнула на диване и затрещала:

– А чего это, если я, так сразу и в больницу! А если ты, так сразу и в санаторий, да? Мне тоже... я тоже от непосильного труда...

– Вот и езжайте, отдыхайте со своим мужем к его матери, повидайтесь со свекровью. А мы, слава богу, по своим свекровям соскучиться не успеваем, – злобно запыхтела Клавдия и совсем уже безжизненным голосом обратилась к Петру Антоновичу: – Что-то мне подсказывает, что Катерина Михайловна не хочет ехать к вашей матушке, вот прямо серд-

цем чую – не рвется...

– Да я и сам-то... – сболтнул Петр Антонович, но вовремя прикусил язык, выпрямился и одарил супругу строгим взглядом. – Катерина! Если ты не хочешь... если ты вот так относишься к моей мамочке... Я могу... я могу... могу и не ехать вовсе!

– Ну уж дудки!.. – в три голоса возопили родственники. – Вперед, на Украину! Вас ждет большое наследство!

Вечер закончился всеобщим примирением. Было решено, что Петр Антонович вместе с женой отправятся к старенькой матушке, как и полагается прилежным деткам, Клавдию ненадолго упрячут в санаторий, пусть немного подлечится от работы, а Акакий... А он с удовольствием согласился остаться дома. Действительно, зачем куда-то бежать, если одному и дома полная свобода?

Клавдия уселась к телефону и, незаметно выдернув штепсель, бодро диктовала в мертвую трубку:

– Жорочка, мне лучше, чтобы прямо с завтрашнего дня... Нет-нет, не надо дорогую, можно совсем дешевенькую путевочку, я потерплю... Ах, туда нужны новые вещи? Без них не пускают? Ну тогда придется купить, мое здоровье дороже... Да нет, это не я так говорю, мой муж так считает...

Муж вовсе так не считал, но Клавдия посмотрела на него столь ласковым взглядом, что он только вздохнул. Да пусть покупает что хочет! Главное, чтобы путевочка с завтрашнего дня... Тьфу ты, господи! Главное, конечно же, здоровье!

Клавдия устроила трубку на рычаг и окинула взглядом притихших родственников.

– Ну все, я договорилась, завтра после обеда выезжаю. Мамаша, а чего вы скисли? Вы тоже уезжаете завтра и даже можете себе купить в дорогу новый спортивный костюм. Кака! Выдай маме денег из своей заначки, пусть она побалуует себя покупками.

Акакий сделал вид, что не слышит.

– Пойдемте, мамаша, я вам покажу, где он от меня прячет деньги, – взяла Клавдия под руку свекровь, – вы сами возьмете себе сколько нужно...

Следующий день прошел в сплошных проводах. Сначала провожали чету «молодоженов», то бишь Катерину Михайловну с Петром Антоновичем. При этом «молодая» так и норовила опоздать на поезд. Еще возле подъезда она вдруг быстро-быстро задышала и медленно опустилась на скамейку:

– Ой, что-то у меня сердце колыхнется. Наверняка нервный стресс... Может, уж лучше не ехать? – И в ожидании поддержки она посмотрела на домочадцев собачьим взглядом.

– Нет, мамаша, так не пойдет. Вы, конечно, можете и не ехать, – наклонилась к ее уху Клавдия, – но я вам вот что скажу: что ваш супруг сегодня выглядит просто неприлично взбудораженным. У него чего-то не к добру разгорелись

глаза. Прямо дикий мустанг! Я очень подозреваю, что он ухлестнет за первой же юбкой. Не добравшись до вокзала.

Катерина Михайловна глянула на сучающего, потного от напряжения «мустанга» и грустно кивнула:

– Это ты точно подметила. Тот еще жеребец...

До вокзала они добрались без приключений. Да и чему приключаться, если Акакий довез их в собственной машине? Однако ж возле самого вагона Катерина Михайловна снова пошла на попятный.

– Все, никак не могу ехать, – с потаенной радостью развела она руками. – Ты уж, Петруша, прости, но я забыла очки. А без них я совершенно беспомощна! Абсолютно! И купить новые мы уже не успеем – пока всех врачей...

– Мамаша-а, – лукаво заиграла глазками Клавдия, – а что это лежит у вас в боковом кармашке чемоданчика, а-а? Хотели схитрить, да?

Уличенная мамаша немедленно покрылась багровыми пятнами и забегала взглядом.

– И... и вовсе ничего я не хотела схитрить... и вовсе там не мои очки, а... Клавочка, а это разве не твои?

– Маменька, у Клавдии сроду очков не водилось. Она считает, что очки ее старят, – произнес Акакий. – Тебе все же придется ехать.

Катерина Михайловна только поджала губы. Ни одна из ее уловок не сработала, а ехать к сварливой свекрови ужас до чего не хотелось.

– Хорошо-хорошо, я поеду, – мстительно закивала она головой, – но только, Петр, так и знай: если твоя родительница еще раз назовет меня крашеной каракатицей, я... Я отобью у ней мужа!

– О боже... у бабушки еще и супруг здоровствует... – тихо пробормотала Клавдия и принялась ловко кидать чемоданы в тамбур.

Отъезд самой Клавдии прошел менее помпезно. Она только ухватила большую сумку, быстро чмокнула супруга в колючую щеку и строго погрозила ему пальцем:

– Ты смотри тут, Кака, не балуйся! Приеду – у соседей все выведаю. Тимку корми... Тимочка, детонька, солнышко мое мохнатенькое, звездочка моя усатенькая, рыбонька моя... Да, Кака, кстати: рыбкам корм в холодильнике. Анечке и Дане я сама позвоню. Все, я ушла.

И даже не требуя, чтобы муж отвез ее на машине до пункта отправления, степенная обычно матрона, радостно понеслась вниз, будто первоклассница, перескакивая через две ступеньки. Что и говорить – свобода окрыляет!

Акакий Игоревич в первый вечер этой самой свободы просто сидел, пялился в телевизор и тупо хлопал глазами. Перед сном он даже самостоятельно помыл ноги, потому как не мог поверить, что Клавочка действительно не вернется в ближайшие двадцать дней. Но уже на следующее утро он себя строго пожурил – нельзя так бесцельно разбрасывать-

ся драгоценными минутами. Надо отдыхать по полной программе. А если по полной, то необходимы были женщины. Желательно молодые, длинноногие и длинноволосые красавицы. И чтобы никаких денег не просили, хотелось бы. А еще, в идеале, чтобы красавицы сразу же вспыхнули к нему, к Акакию, искренней, чистой любовью. Или, на худой конец, живым интересом. Однако ж умудренный жизненным опытом ветреник понимал, что за короткие часы страстную, светлую любовь можно и не встретить. В агентства по оказанию сомнительных услуг он звонить, честно говоря, побаивался – во всех программах показывают, как девицы травят доверчивых клиентов клофелином. В ресторан идти одному было не с руки – мало ли что, вдруг кому-нибудь приспичит его побить. А на улицах знакомиться ему всегда запрещали. Акакий загрустил.

Однако вопрос решился сам собой. Возвращаясь из магазина, нагруженный пивными бутылками Акакий Игоревич возле своего подъезда на скамейке заметил сторбившего соседа со второго этажа – Леньку Викешина, известного гуляку и балагура. Несмотря на болтливый язык, Викешин имел золотые руки, делал ремонты в квартирах, а поскольку работа была приходящей, то постоянного заработка у Леньки никогда не водилось, а посему не водилось и постоянной жены. На Акакия Игоревича Ленька всегда посматривал чуточку свысока, норовил оскорбить и звал его исключительно ботаником. Поэтому дружбы между соседями не во-

дилось. Вот и сейчас, гремя бутылками, Акакий собирался быстренько проскользнуть мимо скандального типа, однако тот его окликнул как никогда добродушно:

– Эй! Брюхозвонов! Составь компанию, ботаник!

Акакий Игоревич мгновенно спрятал пакет с пивом за спину и поучительно выговорил:

– Во-первых, я вам никакой не Брюхозвонов! Моя фамилия пошла от французских предков, и я Акакий Игоревич Распузон. Слышите, как звучит: Распузон-н-н-н... Буковку «н» надо немножко в нос говорить. И потом... Я вовсе не ботаник по профессии, как вы выражаетесь. Но предпочитаю отдыхать культурно, и вам составлять компанию...

– Да не грузись, ты чего – обиделся, что ли? – совсем беззлобно отмахнулся Ленька. – Не обижайся. Тебе, может быть, хорошо, ты в интеллигентной семье воспитывался и вот теперь такой весь... дико окультуренный, пиво в пакетике носишь. А я, может быть, из неблагополучной семьи вырос! Чего от меня ждать? Но я тебе так скажу, французский Брюхозвон...

– Распузон, вы хотели сказать... – быстро поправил Акакий.

– Ну да, – мотнул головой сосед. – Так вот. Я тоже люблю отдыхать культурно, а у тебя, я слышал, жена уехала. Вот по этому поводу у меня к тебе предложение. Пойдем к тебе повышать культуру, а?

Акакий замялся. Вообще-то ему хотелось с женщинами...

– Не, ты не думай, я теперь тоже культурный делаюсь, – видя его замешательство, наседал Ленька. – Я ж в театре работаю! Да, в Театре оперы и балета. Мы там полы перестилаем. У меня там такие знакомые дамочки заимелись... – сосед лихо подмигнул и по-свойски ткнул Акакия под ребро.

Акакий крикнул от «дружеского» тычка, но, что называется, лица не потерял.

– Мне бы все же хотелось с девицами творческого плана... – смущенно зарделся он. – Я, знаете ли, все больше к искусству тяготею...

– Во! – обрадованно подскочил Ленька. – У меня как раз одна Марья-искусница на примете имеется. Потолки шкурит – пальчики оближешь. Натуральная балерина! Не, ну это она пока театр на ремонте, а так-то она все путем – ногами крутит, по залу прыгает, всяких лебедей пляшет. Да чего я тут рассказываю? Мы ее сейчас и вызвоним! Слушай, пока тебя уговаривал, во рту сушняк образовался, пивка открой, а...

Уже дома, вызванивая свою знакомую, Ленька пояснял:

– Ее Лидкой зовут. Так классно кафель обдирает – не успеешь стопку опрокинуть, а в ванной уже голые стены.

– Но... позвольте! – вытаращил глаза Акакий. – Вы же говорили – балерина!

– А я что, спорю? Балерина и есть, – согласился Ленька. Потом закатил глаза и по слогам выговорил: – Я ж тебе популярно объясняю – театр на ре-мон-те. Работы у ней пока нет! Вот она и пристроилась стены штукатурить, чтоб стаж

не прервался. Неужели не ясно? Алло! Лидка? Привет! Это я, Ленчик. Слышь, тут такое дело...

Через час к Акакию заявилились две гостьи, и он сразу даже не распознал, которая из них балерина. Обе были выше его на голову, имели помидорные щеки, тыквенные груди и внушительные бедра. Ни по фигуре, ни по весу вычислить балерину не удалось – обе барышни весили, как приличный бычок-трехлетка. И только, когда Ленька самолично представил дам хозяину, все встало на свои места:

– Акакий, иди знакомиться... Да не красней ты! Ну прям какой недоделанный... Вот это Аленка, она это... оперная певица, а вот это Лидка, наша балерина. Лид, задери ногу, покажи, как ты можешь...

Утром Акакия Игоревича разбудил телефонный звонок. Сначала он упрямо прятался под одеяло, ждал, когда Клавдия сама снимет трубку, но вдруг откуда-то с кресла кто-то протрубил:

– Слышь, Аркадий, трубку-то сыми! Может, жена звонит...

Акакий в один миг вспомнил вчерашнее веселье в кругу «балерин и оперных певиц» и обомлел. Ё-перный театр! Это ж надо так вляпаться! Балерина!

Звонок меж тем просто раскалывал больную голову. Кажется он, как хозяин дома, лично бегал после пива за двумя бутылками водки и за шампанским...

– Аркадий, сыми трубку, говорю! – уже не выдержала дама. – А то сама возьму!

– Да не Аркадий я! – слабо огрызнулся Акакий Игоревич и поплелся к телефону. – Алло, слушаю вас, говорите.

– Папа!!! Пап!! Тут у меня такое... – слышался в трубке плач.

Хмель из головы у Акакия Игоревича немедленно улетучился.

– Алло! Кто это? Аня? Анечка, что стряслось?!

– Акакий Игоревич? – уже слышался чужой женский голос. – Вы извините, Анна пока не может говорить, у нее стряслось несчастье. Она на трассе сбила человека насмерть, я – свидетель, но согласна ничего не видеть, не слышать и вообще исчезнуть из вашей жизни, если вы мне ровно через час привезете сто тысяч рублей. Согласитесь, весьма умеренная плата за человеческую жизнь. Только поторопитесь, я жду ровно час.

– Но... Подождите, куда везти?

– Запоминайте. Значит, выходите на остановке у железнодорожного вокзала и стойте, никуда не отходите. Я к вам сама подойду. Чтобы вы меня узнали, я буду с собачкой. У собачки ошейник коричневый... м-м-м... в желтенький цветочек, вы не ошибетесь. И вы мне без лишних разговоров отдаете деньги. Только учтите – полная конфиденциальность в ваших интересах. То есть, конечно же, в интересах Анечки. Ой, с ней творится настоящая истерика, слышите?

Конечно же, он слышал. Да, слышал, как безутешно рыдает его Аня. Так она еще никогда не плакала! Даже, когда была маленькая и на даче разбила коленку о битую бутылку. Он тогда бегом тащил ее на руках два километра, а следом за ними бежал Данька и только изредка останавливался, чтобы подождать задыхающуюся Клавдию. Акакий тогда успел, ножка не сильно пострадала. И сейчас успеет. Такая у отцов доля – выручать из тяжелой беды своих детей.

– Арка-а-аша, ну что там? – тянула с кресла тучная балерина Лидочка. – Мы опохмеляться будем или как? Хочешь, я могу яичницу сварганить или пельмени сварить...

Акакий метался по комнате, хватая то теплую кофту Клавдии, то свои старые трико, то зачем-то плюхался на пол и натягивал шерстяные носки. Он все никак не мог сообразить, что же именно сейчас ему делать.

– Так. Стоп. Надо сходить... Прежде – сосредоточиться! – И он быстро шмыгнул в ванную, заперся на шпингалет и на всю катушку включил холодную воду.

Через секунду Лидочкины уши пронзил душераздирающий вопль. Потом послышалось кряхтение и наконец из санузла выплыл бодрый, посвежевший, но жутко озабоченный хозяин квартиры.

– Дорогая Лидия... – начал было он, но его тут же прервали.

– А где у тебя пельмени? Я уже смотрела, в холодильнике только рыба вареная, – капризно надула губы работница

театра.

— Рыба потом, — отмахнулся Акакий. — Лидочка, вам надо срочно... покинуть помещение.

— Чего это покинуть-то? — вытаращилась на него Лидочка. — Мне Ленька сказал, что у тебя жена надолго уехала. Я в общаге уже сказала, что меня две недели не будет. Хотелось хоть немножко по-человечески пожить, чтоб там душ три раза в неделю, все дела...

До Акакия смутно доходило — барышня вовсе не собирается выматываться из его благоустроенной отдельной квартиры. У барышни вдруг оказались на его отдых свои планы! Только ее сейчас не хватает... Он тут болтает о всякой ерунде, а там Анечка! Господи, она такая незащитная девочка... Кого же это она насмерть? Вот ведь беда — насмерть! Ничего уже не исправишь. А может, не совсем тот несчастный умер-то? Может, его можно еще того... восстановить? Нет, тогда бы Аня так не кричала. Она хладнокровная, умная... Ой, ну как же вышло-то? Если насмерть, ее ведь посадят в тюрьму... А Яночка?!

— Ты чего, молишься, что ли? — дернула Акакия за рукав его гостя...

Распужан вынырнул из своих сумбурных мыслей. Как же ее зовут, балерину-то? То ли Милочка, то ли...

— Ирочка, все потом!

— Какая я тебе Ирочка? Я, промежду прочим, Лидочкой всегда была!

– Хорошо-хорошо. Все потом, Лидочка.

– Да ты мне еще вчера вечером про «потом» говорил! – уперла крепкие руки в крутые бока девица. – Я, главное, притащилась, Ленька меня оставил, сказал, что будет все путем... А этот ботаник меня в кресло усадил и сначала все нудил: «Лидоська, я вам подарю волшебную ночь, но только если вы покормите моего котика!» И пока я, как дура, кормила его котика, он бесстыже захрапел... А теперь просыпается и снова «потом»? Фигу с дрыгой!

Акакий злобно запыхтел. Когда дело касалось его семьи, он умел быть безжалостным:

– Если вы сейчас не уйдете... если не уйдете... я позвоню... Позвоню сыну! Он придет, и его охрана выставит вас вон!

– А я скажу, что теперь я его новая мамочка! – перекричилась Лидочка.

– Тогда он выбросит вас самолично, – успокоил ее Акакий. – И вообще, мне сейчас не до шуток. У меня... Все! Я сажусь к телефону!

И он действительно уселся к телефону.

Лидочка, покрывая трехэтажными эпитетами всю родословную незадачливого кавалера, с грохотом начала обуваться. Потом выскочила в подъезд, с силой хлопнула дверь и уже не слышала, куда там звонит этот ненормальный ботаник, любитель театра.

– Алло, Даня? – звонил в это время Акакий Игоревич сы-

ну. – Даня, мне нужно срочно сто тысяч рублей. Срочно, сынок! Вопрос... жизненно важный вопрос... Ты ж понимаешь, я бы так не стал... Спасибо, сын. Все, лечу!

Бросив трубку, Акакий передохнул:

– Ну, если сейчас на такси, в самое время успею...

Конечно, деньги Данил дал. И даже не спросил зачем, только пристально взгляделся в черные круги под глазами родного отца.

– Я тебе все-все расскажу, но... Через полчаса, хорошо? – лопотал Акакий Игоревич, пряча за пазуху пакет с деньгами. – Я быстро...

– Пап, ты успокойся. Может, помочь чем? – участливо спросил сын.

– Нет-нет, я сам... мне надо обязательно самому... – затараторил Акакий и взглянул на сына с непередаваемой болью. – Только бы успеть, Даня...

Он поймал такси прямо возле офиса Данила.

– Доставьте меня, товарищ, – по-старомодному обратился он к водителю, – пожалуйста, побыстрее к железнодорожному вокзалу.

– Как скажешь, – пожал плечами таксист, и машина рванула с места как ошалелая.

Судя по времени, он не опоздал. Везде грудились толпы народа – у дачников открылся сезон, отдыхающие потянулись из города за город. Вот только дамы с собачкой нигде не наблюдалось.

– Ах ты, черт... Неужели опоздал? – растерянно бормотал Акакий Игоревич, вертя во все стороны головой. – А ведь сама говорила – ровно час...

Он уже окончательно отчаялся, как вдруг в правой ладони ощутил влажное дыхание. Возле него стоял огромный ту-помордый пес неизвестной породы и тыкался носом в руку. На мощной шее собаки был надет широкий, как солдатский ремень, ошейник, глупо украшенный веночком из одуванчиков.

– А вот и мы, – возникла рядом с псом миловидная девушка годков этак двадцати пяти. – Ну как, вы принесли, что я просила?

Акакий только судорожно сглотнул и молча протянул пакет.

– Там ровно сто тысяч, – просипел он. – А где Аня?

– Она уже уехала. Ей нельзя было там оставаться, вы же понимаете... Да вы сами к ней езжайте, все узнаете из первых уст. А я, как и договаривались, ничего не видела, не слышала и больше на вашем горизонте не появлюсь, – скупно пояснила девушка и принялась махать рукой. – Такси-и-и! Эй, такси! Отвезите дедушку куда надо, он вам все сам скажет.

Таксист, который будто бы ждал, что его подзовут, быстро подъехал и распахнул дверцу:

– Садитесь. И куда вам?

– Мне? Мне домой, – растерялся Акакий Игоревич. Но тут же спохватился: – Нет, мне не домой, мне к Анечке! Ез-

жайте, я вам скажу куда.

Возле подъезда дочери Акакий машину отпустил и быстро взлетел на третий этаж. Ему никто не открыл. Ясно, что Яночка в садике, Володя на работе. А вот где Аня? Господи, ну почему он сразу не сообразил? Она же, скорее всего, поехала именно к нему! Понятное дело – ему первому она позвонила, к нему и поехала. Кто ж еще ее утешит?

Акакий не стал дожидаться автобуса, снова поймал такси и через пятнадцать минут уже ковырял ключом дверь.

Ани не было и в родительском доме.

– Ну ничего-ничего... – бормотал несчастный отец, листая телефонную книжку.

Вот Клавдия, например, все номера сотовых телефонов назубок помнит, а он никак не мог заучить. Но в книжке все записано... Так, вот и Анечкин...

Телефон отозвался долгими гудками, потом озабоченный голос дочери спросил:

– Алло, пап, у тебя что? Говори быстрее, а то мы на летучке...

– На... на какой летучке? – не понял Акакий. – Доченька, я хотел спросить, как у тебя дела? Ты в порядке? Я все уладил!

– Папа, я в порядке. Только сегодня Янка чего-то ночью кашляла. Думаю, как бы не разболелась. Пап, ты мне потом перезвони, у нас тут оперативка...

Акакий Игоревич ничего не понимал. Какая оперативка?

При чем тут Яночкин кашель? Аня что, вообще все из головы выкинула? Вот так взяла – задавила человека и совершенно успокоилась? А как же истерика? Ведь это не шутка – сбить...

И вдруг Акакия Игоревича прошиб холодный пот. Да еще как прошиб – вся фланелевая рубашка на спине мигом стала мокрой, и он даже почувствовал, как пот стекает между лопатками под ремень, в самые брюки...

– Пап, я тебе сама перезвоню, хорошо? – все еще не отключалась Аня.

– Хорошо, только... Аня! А ты сегодня никуда не ходила? Нигде не была, сразу на работу подалась?

– Нет, пап, не сразу, сначала Янку в садик завела, а то Володя не успел. А потом сразу сюда. А что случилось-то? Ой, пап, пока, а то меня...

И в ухо Акакию Игоревичу понеслись короткие гудки.

Вот и хорошо, что дочь больше не смогла с ним говорить – у Акакия Игоревича внезапно скончались все силы. Он вдруг понял, что его грубо и безжалостно надули. Ведь сколько раз ему говорила Аня, да и по телевизору показывали – сейчас развелось столько мошенников! Звонят на сотовые, на домашние телефоны и сообщают про то, что кто-то из близких попал в аварию, в больницу, в тюрьму – в общем, куда угодно... а для того, чтобы проблема срочно была решена, от родственников только требуют привезти деньги. И люди везут. И оказываются в ловушке, как сегодня Акакий.

А ведь, чтобы избежать надувательства, надо было всего-то навсего перезвонить Ане!

Акакий Игоревич сидел на диване, и по его лицу крупными бобами катились слезы.

Ну как же он не сообразил? На чем, собственно, Аня могла сбить человека? Она же никогда не сидела за рулем, у нее и прав-то нет! И потом – как он мог подумать, что его дочь, которая вот уже столько лет исправно трудится в милиции, могла вот так взять и заплатить за молчание какому-то свидетелю! Да и когда ей разъезжать по всяким трассам? Она же и в самом деле – сначала утром Янку в садик тащит, потом на работу бежит. Только конченный идиот мог попасться в такую грубую ловушку! Выходит, он, Акакий Игоревич Распузон, конченный идиот и есть.

И что теперь делать? Где взять сто тысяч? Даня, конечно, без слов, может и простить отцу деньги, но только ему придется все рассказать. А вот тогда уже не простит Клавдия. Она его точно живьем съест. Со свету сживет. И правильно сделает! Потому что не место ему на этом свете. И вообще! Надо набраться смелости и признаться себе – ничего такого не случилось бы, если бы Акакий не пил вчера, как верблюд, черт-те с кем. И если бы не трубила у него под ухом перекормленная балерина. И если уж он сам во всем виноват, так сам и будет... выходить из положения. То есть он просто напишет записочку с объяснениями, а сам пойдет и утопится. Да, вот так скромненько и достойно...

Акакий Игоревич еще раз тихонько всплакнул и написал красивым почерком с кудрявыми вензелями: «Простите, мой любимый сынок Даня и дочка Анечка. Простите меня, Клавочка и маманя. Жить подлецом не хочу, пусть меня поглотит пучина, потому что живьем я от вас прощения не допрошусь. Любимый всеми, веселый озорник, а ныне утопленник – Акакий Игоревич». Потом он крепко поцеловал в морду кота и решительно отправился топиться.

Клавдия Сидоровна Распузон в это время вовсю шокировала нудистский пляж Агафьи Эдуардовны своими нарядами. Ой, ну конечно, ни в какой санаторий она не поехала! Что ей там делать, когда сейчас туда хлынули сплошные пенсионеры? И вообще, ей совершенно нечего лечить и восстанавливать, потому что здорова она, как космонавт, а тот сердечный приступ инсценировала специально, чтобы ни у кого даже язык не повернулся ей отказать в отдыхе. И с Агафьей они так славно договорились: Клавдия сейчас отдала часть денег, а потом она непременно выпросит у Дани остальное. Агафья Эдуардовна даже специальный номер ей отвела, чтобы она никому знакомому случайно на глаза не попала, и парочку раз лично прибежала предупредить, чтобы Клавдия часика два не высывалась – ей показалось, что в клубе мелькнуло знакомое лицо. И пусть лето только началось и еще совсем не радует теплыми погодками, для Клавдии это самое лучшее время. Конечно, когда наступит жара, сюда со

всего города съедутся молоденькие, стройненькие девицы, а с ними стало так трудно конкурировать. Зато сейчас, когда из женщин тут всего только Клавдия, Агафья со своими голыми артритными коленками да парочка девчушек из obsługi, а мужчин как раз целый батальон, сердце дамы просто ухало от радости.

И что бы там кто ни говорил, а на Клавочку уже стали заглядываться. Конечно, ей пришлось сначала потрудиться – пару раз прогуляться в бильярдном зале, закутавшись в прозрачное парео, в баре несколько раз загадочно улыбнуться молоденьким парнишкам, и даже – вот ведь ужас! – однажды до половины окунуться в ледяную воду. Но на что только не пойдешь ради полноценного отдыха!

Да, да, теперь Клавдия явно ощущала на себе посторонние взгляды. И даже, честное слово, ей казалось, что за ней кто-то пристально следит. Это только радовало и уже второй день заставляло вскакивать ни свет ни заря и с грохотом прыгать через скакалку, сгоняя лишний вес. Еще Клавдия перестала пренебрегать макияжем. То есть, как ни крути, а дама буквально преобразилась. Пришлось даже чуточку помолодеть, потому что возле нее стали довольно назойливо крутиться два интересных молодых человека. Один господин лет двадцати семи просил звать его не иначе, как Романом Андреевичем, а вот другой и вовсе представился какой-то кличкой: «Зовите меня просто Далис», – лучезарно улыбался при каждой встрече.

Опытная Клавдия Сидоровна соблюдала все правила конспирации, поэтому ее друзья между собой не пересекались, и она бессовестно кокетничала с обоими. Правда, у ее новых друзей весьма явно просвечивались некоторые недостатки.

Далис, к примеру, каждый раз «случайно» забывал дома кошелек, когда полагалось сорить деньгами. Да чего там сорить – даже когда требовалось заплатить за собственный обед, парень страшно смущался, мучительно краснел и со страшным стоном разводил руками:

– Нет, Клоди, ну вы мне скажите, что со мной делать, а? Опять не помню, где оставил кошелек!

Клавдия Сидоровна могла бы подсказать, что кошелек у молодца, вероятнее всего, даже и приобретен еще не был, однако ж за его милое «Клоди» она прощала ему все. Это было так утонченно, так по-парижски! Ясно, как день, – фамилия по мужу у нее французская, и имя должно соответствовать. И, как это чутко подметил Далис, она – Клаудиа Распузон... Клод... Клоди...

У младшенького же, то бишь у Романа Андреевича, каждый раз случались непредвиденные свидания с собственными родителями, причем в самый неподходящий момент. Клавдия Сидоровна сильно подозревала, что папа с мамой мальчика попросту его еще одного далеко от себя не отпускают, а посему бдительно блюдут дорогое чадо от всякого рода соблазнов. Но зато как он был хорош! Любую картину с изображением ангелочков можно было смело считать порт-

ретом Романа Андреевича – те же золотые кудри пушком вокруг головы, те же огромные коровьи глаза и губки сердечком! У Клавдии в кавалерах уже давненько не водилось таких красавчиков. Да, прямо скажем, с самого рождения и не водилось. Но это потому, что она раньше была глупенькой и неопытной, а вот сейчас... Клавдия Сидоровна приложила все усилия, чтобы чудо-мальчик крутился только возле нее. В первый день это казалось невозможным – капризный денди всякий раз кривил губы, когда взгляд его падал на развевающееся парео зрелой обольстительницы. Однако от Клавдии кривыми усмешками не отделаешься – мудрая женщина зашла, что называется, с тыла и нанесла сокрушающий удар там, откуда паренек его и не ожидал. Даме помог случай.

Заметив, как Клавдия Сидоровна нарезает круги возле Романа Андреевича, Агафья легкомысленно хихикнула:

– Ой, Клабочка, ты меня веселишь! Обрати свой взор на кого другого, паренек интересуется только своим хобби, он даже юных дев не замечает. Стоит ли тебе надеяться, что он пленится твоими килограммами!

«Килограммы» Клавдия пропустила мимо ушей (но чего ей это стоило!), зато за хобби зацепилась.

– И чего ж за хобби у него такое, что затмевает даже красавиц? – фыркнула она.

– Да как обычно, ерундовина, – отмахнулась подруга. – Представляешь – собирает фотографии известных артистов в младенческом возрасте. Только, чтобы обязательно в реву-

щем состоянии! Ну, скажи на милость, к чему парню такие пикантности? Но, говорят, просто бледнеет, если видит знаменитость в плачевном состоянии. Кстати, Клавочка, а вот тот господин весьма недурен. Не находишь? Тебе бы самый комфорт. И ему хоть какое развлечение, у него такая платежеспособность – м-м!

«Комфорт» был сухим, дрожащим старичком, с ножками-веточками. Старичок, вероятно, и в самом деле в деньгах не нуждался, потому что чувствовал себя абсолютно свободно в любой ситуации – умело щелкал пальцами, подзывая официантов, не испытывал угрызений совести, когда выставлял напоказ рахитичное брюшко, презрительно скидывая дорогие рубашки. Но уж очень он напоминал древний саксаул. А Клавдия не настолько любила деньги.

Крепко запомнив сердечную привязанность Романа Андреевича, Клавдия в тот же день пошла в атаку.

– Ромочка, Роман Андреевич, – уверенно подседа она к парню на диван, когда тот лениво следил за бильярдными шарами, – мне сказали, что мы с вами, оказывается, родственные души! Вы, как и я, коллекционируете плачущих артистов?

Парнишка изменился в лице, развернулся всем телом и впервые одарил даму внимательным взглядом, а вовсе не презрительной усмешкой.

– Да, но я коллекционирую только плачущих артистов в малышовом возрасте, – пояснил он.

– А у меня коллекция несколько шире, – томно откинула прядь со лба Клавдия. – Однако ж есть такие ценности, такие...

К некоторому огорчению Клавдии Сидоровны, продвинутый «собираатель артистов» совершенно не знал, кто такой Шаляпин, Плисецкая или Хворостовский. Таких же светил эстрады, как Жан Тюльпан, Лимити, Вальс Мертвецов и Толя Чебурек, не ведала Клавдия.

– Зато у меня случайно оказалось фото Звездовидова! – расставляла сети Клавдия Сидоровна. – И совершенно в ревушем ракурсе!

Роман Андреевич раскрыл прелестные глаза по максимуму:

– Звездовидова? И он ревет? И сколько ему на фотографии?

– Три года и месяц, – совершенно искренне доложила Клавдия.

Она уже твердо решила вместо фото популярного певца подсунуть коллекционеру фото своего сыночка Данечки. Сейчас-то сын является уже видным бизнесменом, но в детстве был таким ревой, что других фотографий Данила, кроме как в ревушем состоянии, у Распузонов и не было. А уж кто там, на снимках, – артист ли, бизнесмен, иди – разбирайся! В конце концов, Клавдия всегда может сказать, что купила ценный снимок за бешеные деньги.

– И... и он там в костюмчике? – с придыханием спросил

Роман Андреевич, придвинувшись к Клавдии вплотную.

– Нет, он там в трусиках, на даче. С детским садиком ездили... – пояснила Клавдия, играя глазами.

– Боже мой... в трусиках... Сколько вы за него хотите?! – нездоровым блеском сверкнули глаза парня.

– Н-ну... я вообще-то не намерена продавать... – во всю мощь кокетничала Клавдия. – Однако вы мне кажетесь интересным молодым человеком... и если только нежно подарить...

– Я готов! – подпрыгнул интересный молодой человек. – Дарите нежно! Когда будет проходить церемония вручения?

– Ой, ну вы прямо такой неудержимый... такой страстный... Вы и в самом деле мечтаете пригласить меня сегодня в бар к семи часам? – смущенно откликнулась коварная ли-
са.

– Я на все готов! – отважно выкатила грудь колесом жертва.

– Ну... если уж так вышло, то мне и вовсе теперь деваться некуда...

В этот вечер в баре Роман был необычайно мил, предупредителен и вежлив. Клавдия уже готова была поверить в его искренние чувства... если бы он не спрашивал каждые три минуты:

– А сколько нам еще надо в баре сидеть? Раз два? И тогда вы точно подарите мне фото Звездовидова? А скажите, если я уже отсидел с вами сорок две минуты, это уже можно

считать за проведенный вечер?

В конце концов свидание закончилось вполне благополучно – ближе к одиннадцати часам, когда многие посетители бара не вязали лыка, Роман отважился пригласить Клавдию на танго, хотя танцы здесь и вовсе предусмотрены не были.

После столь геройского поступка он плюхнулся за столик и быстро опрокинул в себя целый бокал коктейля.

Далее с парнем случилось нечто – прекрасные глаза его выкатились, рот стал судорожно хватать воздух, а из горла слышался сип:

– Воды-ы-ы...

Клавдия перепугалась не на шутку – Роман Андреевич всерьез собирался скончаться!

– Официант! Официа-а-ант!! Да куда ж вас всех унесло-то? – судорожно искала она глазами по залу работника бара.

Но в такое время работники уже с чистой совестью и сами угощались легким винцом, уж она-то, Клавдия, знала это как дважды два. Совсем случайно взгляд ее невольно выхватил странную женскую фигурку в черном. Черная фигурка стремительно пробиралась к выходу и исчезла прежде, чем Клавдия успела ее разглядеть.

Роман уже хлестал из бутылки минеральную воду Клавдии и медленно приходил в себя.

– Ф-ф-фу-у-у-у... думал, сдохну... – наконец выдохнул он и недобро взглянул на даму. – Это вы мне что, полный ста-

кан красного перца набуровили? Отравить, что ли, хотели? Совсем уже, да?

– Молодой человек, следите за речью, – попеняла ему престница. – Зачем мне травить вас красным перцем, если в аптеках свободно продается крысиный яд?

– Не, ну ваще! – возмутился было Роман Андреевич, но Клавдия пресекла его в полете:

– Так я понимаю, вы не хотите слез Звездовидова? – выкатила она на него свои наивные глаза. – Вам не нужен этот редкий снимок? Боже! Отчего вы мне не сказали этого раньше, я бы не стала убивать столько времени!

– Простите... – прошептал раб своего хобби, опустив глаза. – Я... я пошутил. Конечно же, пошутил! Это... это был тест на юмор. Правда, классный?

И может быть, Клавдия бы ему поверила, если бы не та дама в черном...

Утром третьего дня она проснулась от телефонного звонка у себя в номере. Звонил Роман и снова с какими-то странными претензиями:

– Знаете что, Клавдия Сидоровна, – не пожелав ей доброго утра, сразу напал на нее парень, – если вы не хотите отдавать мне снимок, так и скажите! Я, может быть, еще у кого-нибудь куплю. Но чего по ночам-то звонить? Еще, главное, она меня пугает!..

– Это Роман? – голосом спящей красавицы пролепетала Клавдия. – Что у нас на сей раз? Кто вам звонил ночью, же-

стокий мальчик?

– Нет, а то вы не знаете! – поперхнулся мальчик на другом конце провода. – Сама, главное звонит, скрипит в трубку... Не, а может, это был ваш муж? А чего, я слышал, мужики тоже женскими голосами умеют. А он у вас тоже фотки собирает, да? Не, а вы вообще замужем?

С огромным трудом Клавдии удалось выяснить, в чем дело. Оказывается, ночью кто-то позвонил Роману и противным, загробным голосом прокрипел, что, дескать, если он не отвяжется от своей старой мыловарни, то его ждет смерть. Причем под мыловарней явно подразумевалась почтенная Клавдия Сидоровна.

– И ты хочешь сказать, что я сама себя стала бы называть этим производством?! – задохнулась от негодования Клавдия, начисто позабыв про красивые манеры. – Да ты глупыймышь! Чтобы я... Да себя...

– Ой, ну и хорошо, – вдруг легко вздохнул парень. – А я чего-то, и правда, сдуру решил, что вы не хотите мне дарить фотографию... Значит, ваше предложение еще в силе, да? То есть я вас еще два дня попасу, и вы мне ее отдадите, да?

Нет, он был совершенно невыносим. Все коллекционеры – люди явно с недоувлажением ума. Но как ни глупо выглядел Роман, черная тень странной женщины в баре некоторое время весьма волновала Клавдию. Да и как не волновать! По воле судьбы ей пришлось несколько раз лично сталкиваться с запутанными преступлениями, и не столько сталкиваться –

именно ею они и были раскрыты. Между прочим, в подруги такую состоятельную даму, как Агафья Эдуардовна, Клавдия заполучила именно оттого, что когда-то раскрыла преступление, совершенное в ее клубе. Ну и как не насторожиться опытному детективу?

Но все объяснилось весьма незатейливо. Причем тогда, когда Клавдия этого не ожидала. На четвертый день своего пребывания в клубе дама просто не могла отбиться от второго своего кавалера. Далис не отпускал ее ни на шаг, и если учесть, что сама Клавдия Сидоровна его вовсе и не завоевывала, это было приятно вдвойне. Парень ходил за ней хвостом, грустно вздыхал и пялился на небо.

– Ах, Клавдия Сидоровна! – в который раз стонал он у самого ее уха. – Если бы вы ведали, как мне нестерпимо хочется подарить вам пышный букет влажных роз! Кстати, я видел в соседнем киоске совсем недорогой – всего за полторы тысячи. Но вы ведь знаете меня, я совсем не был готов к покупке – оставил кошелек дома на секретере. Но вы же не откажете мне в такой малости! Дайте взаймы, и я принесу вам их немедленно!

– Господи, когда уже ты научишься деньги класть в карман, а не в кошель... – пробубнила Клавдия себе под нос, однако требуемую сумму выделила.

И только после этого пылкий воздыхатель, на пять секунд припав к божественной ручке обольстительницы, скачками унесся из холла.

Клавдия еще не успела стереть блаженную улыбку с уст, как тут к ней и подошел высокий, седовласый красавец достойного возраста, одетый в великолепный костюм не нашего качества.

– Простите, вы Клавдия Сидоровна? – сверил он ее имя по бумажке. – Мне хотелось бы с вами... выпить чашечку кофе. И, если возможно, в отдельном номере, где нам никто не помешает.

Еще бы с таким королем что-то было невозможно! У Клавдии даже желудок заурчал от неслыханной радости – ее обаяние на сей раз принесло неземной улов. Околдовать такого мужчину не всякой «Мисс города» под силу. И что только творится в клубе?!

Однако радость оказалось преждевременной. Седовласый красавец оказался... отцом Ромика. Пардон, Романа Андреевича. Это выяснилось, когда мужчина отвел ее в маленький кабинетик, любезно предоставленный Агафьей, придвинул к ней крохотную чашечку с кофе и доверительно сообщил:

– Я совсем не знаю, с чего начать разговор, но... Вы знаете, я так доволен, что Роман Андреевич крутится именно возле вас!

Клавдия судорожно глотнула кипяток. Однако у папаши хорошо работает служба оповещения! Мальчишка только второй день проявляет к ней интерес, а родитель уже в курсе. Или парень сам ему доложил?

– Я всерьез боялся, что его соблазнит какая-нибудь вер-

тихвостька, – продолжал между тем заботливый папаша. – У нас, понимаете ли, достаточно прибыльный бизнес, и я не удивлюсь, если кто-то из продвинутых молодых красоток пожелает оттяпать у нашей фамилии солидный кусок, используя Романа Андреевича. Мы с матерью постоянно прослеживаем каждый его шаг, но ведь разве уследишь... Стыдно признаться, но частенько моя супруга переодевается в разные костюмы, только чтобы не терять сына из вида. Но ее как мать можно понять...

Клавдия поспешно кивнула. И в самом деле, отчего ж не понять? Мамочка переодевается в черную тетку, потом подсыпает сыночку в бокал красного перца, дитяtko чуть не сожгло себе все кишки... Однако не сожгло же! Зато каков урок – не гуляй с плохими тетеньками, они тебя бяку научат пить.

– Но, слава богу, его тянет к вам. Видимо, он все же сильно переживает... – И седой красавец поспешно отвел глаза.

Клавдия немедленно прониклась – уложила на его руку свою могучую длань и постаралась заглянуть в глаза. Именно так следовало утешать мужчину, она знала по опыту.

– А что, простите, он переживает? Его смущает наша разница в возрасте? – чувственно поинтересовалась она. Упоминание о процветающем бизнесе сильно возвысило Романа Андреевича в ее глазах.

– Нет, – достойно швыркнул носом батюшка молодого ухажера. – Это его как раз притягивает.

– Да-да, я слышала, сейчас многие молодые мужчины интересуются женщинами пикантного возраста... – засмущалась Клавдия и даже на минуточку представила, как будет звать седого красавца папой.

– Да что вы в самом деле, смеетесь, что ли? – не выдержал красавец. – К вам-то какой интерес! Он... Видите ли, в чем дело... Этой зимой скончалась бабушка Романа Андреевича. Нет-нет, ничего криминального, умерла от старости, она была примерно вашего возраста, ей уже стукнуло девяносто. А Роман так ее любил, что...

Конечно, дальше откровения этого пегого мужлана Клавдия Сидоровна слушать не стала. Совсем обнаглел! Сравнить ее с какой-то девяностолетней старухой! Нет, он ей был совсем не интересен. Однако ж процветающий бизнес, будь он неладен... А что, если мальчик и в самом деле увидел в Клавдии свою вторую половинку? Как бы она развернула свое дело! Нет-нет, у нее и мысли не было изменять Акакию Игоревичу, однако ж, если представить хоть на мгновение... Да и потом, старый индюк, который назвался отцом Романа Андреевича, так и не успел сообщить Клавдии Сидоровне, что, собственно, парень нашел в ней притягательного. Сама-то Клавдия, по простоте душевной, думала, что его притягивает только кадр с хныкающим Звездовидовым, а получается, что Роман открыл в ней и еще кладезь притягательности! И это не давало покоя. В общем, Клавдия решила, что ей теперь просто необходимо встретиться с Романом наеди-

не и поставить все точки над «и». В конце концов, она так может высиживать до конца сезона, уже прошла целая неделя, пора прояснить ситуацию.

Поэтому прямо в пятницу с утра, едва продрав очи, Клавдия Сидоровна нацарапала интригующее послание: «Милый друг Роман Андреевич! Спешу вам сообщить, что сегодня всю ночь у меня страшно болело сердце и что-то тукало в области почек, прямо, где поясница. Сначала я думала, что ко мне подкрадывается инфаркт миокарда или ишемическая зараза, потому что на цистит не похоже, но потом сообразила, что во мне просто проснулся интерес к вам и теперь ворочается во всех органах. К тому же, оказывается, у меня образовался к вам серьезный разговор. И еще вас ждет подарок. А посему страстно жду вас сегодня ровно в два часа на пляже, возле раздевалки. Жду ответа, как соловей лета. Чмок-чмок-чмок, ваша Клод».

Да, теперь Клавдия решила подписываться только так, изысканно. Затем она сложила записочку вчетверо и старательно залепила скотчем. Теперь осталось записку передать по адресу.

– Мариночка, зайдите ко мне, у меня к вам важное поручение... – пригласила она к себе горничную по этажу. А в номере продолжила: – Мариша, я вас попрошу, отнесите мою записку на первый этаж, Роману Андреевичу, в седьмой номер. Он просил... он просил переписать ему телевизионную программу на эту неделю.

– А чего, у нас купить он уже не в состоянии? – дернула бровками дотошная Марина. – У нас специально внизу бабушка сидит, Сидоровна, она всякой прессой торгует.

Клавдия опять надулась. Ну что за день такой – если какая-то бабушка, то обязательно Сидоровна, как и Клавдия, или ей столько же лет!

– Марина! Роман Андреевич, как собака, из чужих рук не берет! – рявкнула Клавдия. – Так вы отнесете? Заметьте, я за это вам десять рублей дам!

Маринка только брезгливо перекривилась, глядя на мятую десятичку:

– Да зачем вы мне такие подарки суете? Я и без того отнесу. Желание клиента у нас закон... – И неспешно удалась, горделиво встряхивая головой, как укушенная оводом лошадь.

Клавдия подмигнула себе в зеркало, потом сделала томные, убийственные глаза и пробормотала:

– Да, Клоди, сегодня Романа ждет совершенно дикое любовное потрясение! М-м!

В зеркале отразилась, по мнению Клавдии, жутко роковая женщина с закушенной губой. Парень был обречен. Он сегодня будет сломлен наповал, потому что именно сегодня Клавдия Сидоровна решила «достать из рукава» свой главный козырь.

С самого утра погода просто играла на ее стороне – кто-то в небесной канцелярии вспомнил, что по календарю плани-

руется лето, а посему включил солнышко на полную катушку. И не беда, что вода еще совершенно не прогрелась, на нудистском пляже она играет не первую скрипку. Нет, Клавдия совсем не забыла, что является матерью почтенного семейства, и не собиралась даром демонстрировать свои оголенные прелести всяким рядовым посетителям клуба. Даже перед избранными она еще не могла отважиться на такую дерзкую откровенность. Однако ж показать ей было что – сегодня дама решила явить себя люду в новом купальнике, который ей привезла из Испании Лиличка.

Купальник был неотразим. Закрытого фасона, глубокого зеленого цвета, он, насколько мог, сдерживал телеса хозяйки, однако ж прелесть его была не в этом. Несомненной «вишенкой» для украшения служила невиданной красоты огромная бабочка... на попе. Причем, бабочка была выполнена из какого-то дивного материала, и крылья ее упруго торчали далеко за пределами самого купальника. Наряд был настолько хорош, что домашние просто не могли удержаться от комментариев.

– Клавочка, курочка моя, ты в этом одеянии будешь похожа на парковый газон! – восхищался муж Кака.

– А мне кажется, на огромную жабу... – скривилась от зависти свекровь.

Ну чего от нее еще ждать? Зато Петр Антонович пошел дальше всех. Захлебываясь от восторга он выдал:

– Я знаю! Клавочка, это придумано специально для ваших

габаритов. Вот если какой слепец на пляже еще не заметил вашей, простите, кормы, так с бабочкой он уже точно мимо вас не пройдет.

– Еще бы! – фыркнула Катерина Михайловна. – Да ее в этом купальнике можно смело раскладывать, как опознавательный знак для бомбардировщиков – не промахнутся.

Но стоит ли передавать все, что наговорила сия завистливая особа? Суть в том, что именно в этой прелести Клавдия и будет встречать своего сердечного друга Романа Андреевича. Ну и где тут устоять еще не окрепшей, молодой психике парня?

Клавдия уже сидела возле зеркала и тщательно «делала лицо», то есть черным карандашом рисовала себе правую бровь. Левая еще ждала своей очереди, когда в дверь номера осторожно постучали.

– М-да-да, войдите... – не отрываясь от зеркала, как prima перед спектаклем, промяукала Клавдия.

– Простите... это вы Клавдия Сидоровна Распузон?

В дверях стояла достаточно миловидная, молодая женщина тощей комплекции, с белокурыми локонами, собранными в высокий хвост, и с сильно блестящими губами. То ли сало ела, то ли блеском для губ украсилась.

– Если вы, тогда я к вам, – сообщила дамочка и без приглашения уселась на единственный стул в комнате. – Меня зовут Ксения. Я законная жена Дряблова Алексея Львовича.

– Оч-чень приятно... – прогундосила Клавдия, увлеченно

орудуя карандашом. — А кто у нас Дряблов?

— Дряблов — это мой муж, — охотно пояснила Ксения. — Сейчас он называет себя Далисом.

Карандаш в руке Клавдии дрогнул, и бровь сиганула на лоб.

— Далис? А вы жена? — чуть не поперхнулась Клавдия. — Ничего не понимаю. У нас здесь что, слет родственников? У Романа отец, да еще мать-диверсантка, у Далиса — жена. И потом... Простите, но если мужчина имеет вполне приличное имя, что за надобность звать себя собачьими кличками? Далис... Я, видите ли, не в том возрасте, чтобы общаться с кобелями!

Гостья немножко стушеввалась, но потом заговорила еще яростнее:

— Я, в некотором роде, и пришла, чтобы прояснить... Понимаете, Леша — игрок. Он проигрывает в автоматах все, что видит. Но только дома ему это не удастся, я слежу за каждым его шагом, у нас есть даже охрана. Но он нашел выход — гуляет по клубам, знакомится со старенькими женщинами, входит...

— Да что ж это тако-о-о-е?! — сиреной взвыла Клавдия. — Известить меня надумали? Опять старенькая! Да я... я, может быть...

— Простите, ради бога! — затрепетала девица. — Я ведь совсем не вас имела в виду, я вам про мужа рассказываю! Конечно, вы еще совсем юная... ну, в общем, не юная, но... —

Ксения безнадежно опустила плечи. – Вы такая обольстительная женщина...

Девчонка себя просто спасла. Буквально отпросилась с того света. Именно это и надо было сказать, чтобы Клавдия не выставила ее взащей за дверь.

– Вы такая... королева...

– Хотя в чем-то мы с вами единомышленны, – проворчала Клавдия. – И что?

– Ну и... Алеша знакомится с... женщинами, втирается к ним в доверие и начинает кланяться деньгами. И как-то так втирается, что они ему с удовольствием дают. После этого Алексей начинает занимать крупные суммы, а потом... потом исчезает.

– Вот паразит! И куда? Адрес?

– Ой, он всякий раз скрывается в новом месте, – тяжело вздохнула милая женщина. – Он даже и имени своего настоящего не называет, чтобы его потом найти было затруднительно. Но... Алеша уже многих... охватил своим вниманием, меня люди на улице встречают и требуют долги. Какие могла, я отдала, а новые... Вот я и хожу, всех предупреждаю, чтобы на его обаяние не поддавались... Я к тому говорю, что если у вас... имеется какая-нибудь престарелая подруга, чтобы вы ее предупредили.

– Милочка, ну откуда у меня возьмутся престарелые подруги? Разве что только Агафья Эдуардовна. Хм, вы правильно заметили, она весьма компрометирует меня.

– Так вы ей передайте, чтобы денег Алексею – ни– ни! – еще раз напомнила Ксения.

Клавдия уставилась на женщину. Ничего особенного: обычные девяносто – шестьдесят – девяносто, ноги от ушей, глазу не за что зацепиться. Но ведь не все же так безнадежно!

– Милочка, а вы не пробовали с ним развестись? Ну зачем вам этот горб? К тому же, как я слышала, игромания не лечится. А вы... вы еще можете попробовать себе кого-нибудь приличного найти.

Ксения только недоуменно пожала плечами:

– А любовь? – просто поинтересовалась она. – Я считаю, что за любовь надо бороться.

– Борьба? А мне кажется в вашем случае больше подойдет бокс, – мудро хмыкнула Клавдия. – Или стрельба. Да, тоже очень подходящий для вас вид спорта. Один прицельный выстрел... Я б свое сокровище, если бы он у меня деньги начал проигрывать, прямо-таки в тир – и на мишень, вместо уточки!

– Ну что вы такое говорите? – вскинулась заботливая жена Далиса. – Алеша у меня очень нежный, заботливый, добрый...

Клавдия уже не слушала оду грешному мужу – неожиданно ее взгляд упал на часы, и она поняла, что безнадежно опаздывает.

– Простите, Ксюша, мне надо срочно отбыть, – заторопилась дама. – Все ваши пожелания непременно учту, денег

ему не дам, всех старух от него отважу и, если хватит времени, наставлю на путь истинный. Он у меня про игровые автоматы и думать забудет!

— А вы же говорили, что не лечится... — с сомнением напомнила Ксения.

— Так то традиционной медициной, а мы его... народными средствами... — И Клавдия выразительно посмотрела на свои увесистые кулаки.

Девушка выскочила из номера совершенно счастливой. Как тут будут лечить ее мужа она не совсем поняла, но надежда появилась.

Клавдия же, быстро довершив макияж и нарядившись в неотразимый купальный костюм, с трепетом в сердце отправилась на волнительное свидание.

Глава 2

Не зная сброду, не суйся в воду

Как Клавдия Сидоровна и предполагала, Роман Андреевич, этот молодой баловень судьбы, вовсе даже не томился возле раздевалки в ожидании своей дамы. То ли парень не получил записку, то ли получил, но не дождался, то ли у него случились непреодолимые препятствия, однако на пляже его не было. О том, что Роман Андреевич ее гнусно бросил, она даже запретила себе думать. Хотя... Именно сегодня, на солнышко, слетелись две довольно вульгарные особы, лет эдак тридцати. Конечно, из себя они ничего не представляют – так, обыкновенные манекенщицы, однако ж самомнения у них... А ну как неопытный Роман клюнет?

Нет, вначале Клавдия даже не слишком грустила по данному поводу – ей было просто некогда. Первое жаркое солнце выгнало большинство мужчин на пляж, а поскольку в клубе правили бал нудисты, то и тела распластались на песке в красоте первозданной. Клавдия еще не совсем свыклась с таким откровением, поэтому некоторое время мучилась, смущалась и не могла поднять глаза. Когда же решилась – не хватило силы отвести взор. До чего же они безобразны, эти мужики!

– Федька! Ну куда ты, блин, попер! Чего тебя в воду тя-

нет?! – кричал один такой представитель противоположного пола своему другу. – Я ж тебя, блин, за пивом послал!

Да уж, ни тебе ума роскошного, ни туловища... Вот женщинам есть что показать, каждое тело – произведение искусства. Но уж как над мужчинами природа поиздевалась! Пляж был буквально изуродован синюшными туловищами, с черной порослью на ногах, груди и... Ой, срам какой, бр-р-р! Для чего, спрашивается, придуманы электробритвы? И потом – мосластые конечности с пивными брюшками вовсе не сочетаются. Да на таком-то великолепном пляже! Уж Клавдии ли не знать, сколько денег Агафья вбухала в этот отрезок могучей реки, в этот беленький песочек, в эту дивную травку, которой и зимой ничего не делается, в эти художественные камни, в фонтанчики, в плакучие ветви ив и в заросли камышей... А волосатые, с позволения сказать, члены клуба только оскорбляют красавицу-природу!

Дабы установить хоть какой-то баланс красоты и убожества, Клавдия решительно скинула махровый халат и, колыхая бабочкой-прелестницей, храбро направилась к линии воды. В следующую секунду все мужские взоры так к ней и приклеились. А Клавдия – может, от своего природного совершенства, может, от того, как красиво она кинулась в реку, а может, от ледяной воды – завопила на все ближайшие километры.

Вода оказалась не просто холодной – она буквально ошпарила Клавдию минусовой температурой. Сердце у дамы под-

прыгнуло к горлу и замерло, ноги стало кривить судорогой, рот беззвучно открывался, а руки замолотили по воде совершенно по своей собственной воле. Берег как-то подозрительно быстро удалялся, течение зверски тянуло женщину на середину, и у Клавдии не было сил, чтобы противостоять катастрофе. Конечно, она сглупила! Обычно пляж был тихим и покладистым, потому что здесь образовался некий маленький заливчик, однако ж нынче вода поднялась, и не следовало пловцам так ретиво кидаться от берега. Но теперь-то уж чего...

Долю секунды Клавдия справлялась с ужасом, потом резко рванулась и из последних сил уцепилась за частые листья камышей. Надо же, ей показалось, что ее заплыв длился вечность, а ее даже с территории пляжа не унесло.

И тут замершее сердце Клавдии забилося в ускоренном режиме – к ней на помощь не побоялся броситься ее молодой друг, Ромочка. Прямо в своей нарядной рубашке, вон он, в камышах... Ой, мужчины в столь нежном возрасте такие безголовые, такие...

– Ромочка, не стоило... – подобралась, звонко клацая зубами, к парню Клавдия, игриво дернула его за рукав и чуть повторно не утонула – на нее глянули безжизненные глаза Романа Андреевича. И чуть не в самой середине лба его чернела дыра от пули. – По!!!мо!!!ги!!!!те-е-е-е!!!

Ее рев прозвучал настолько убедительно и страшно, что с пляжа в воду метнулись сразу несколько мужчин. Кстати,

и ничего они не уродливые. Особенно, когда кидаются на помощь. Их бы только одеть...

Сама Клавдия выскочила из воды ракетой, забыв про халат, бегала по пляжу, трясла мокрой бабочкой и изо всех сил кричала:

– Ага-а-а-фья-я-я!!! Срочно вызывай милицию-ю-ю!!! Граждане, позовите хозяйку заведения! Не толпитесь, граждане, не поддавайтесь панике! Ничего особенного не произошло – новый сезон, новое преступление!

Ее бабочка теперь металась по всему периметру пляжа. Ей везде надо было успеть и, как опытному детективу, принять необходимые меры первой помощи оперативникам.

– Не ходите по воде, вы там все следы затопчете! Господин швейцар! Эй, ну кто там на воротах? Товарищ! Товарищ! Срочно встаньте на ворота, чтобы ни одна мышь не смогла просочиться! Да ладно, я сама! Все самой, все самой... Ага-фья! Где тебя носит-то?

– Там, говорят, парня застрелили. Это вы его, да? – вдруг раздался возле Клавдии испуганный голосок. – Он тоже в автоматы деньги проигрывал, да?

Рядом с Клавдией стояла побледневшая до синевы Ксения, держала за руку своего непутевого мужа, а тот только методично икал и сильно дрожал коленями.

– Милочка, ну что вы такое мелете? – мимоходом зыркнула на нее Клавдия. – Отойдите в сторонку, сейчас милиция приедет, надо, чтобы было как можно меньше следов...

Агафья! Иди сюда бегом!

Ксению с перепуганным мужем оттеснили – к Клавдии подбежала растерянная Агафья с растрепанной прической. Наверняка хозяйка клуба сейчас принимала у себя парикмахера и потому рева подруги не слышала.

– Клавочка, это что? – кивала она на кучку мужчин, которые уже вытягивали из камышей тело несчастного Романа Андреевича. – Это что, Клавочка?

– В том-то и дело – Что! А еще недавно это был Кто! – с досадой швыркнула носом Клавдия, натягивая наконец халат. – Вызывай, Агафья, милицию, а я пока к себе в номер отправлюсь. Пойду хоть чаю с малиной попью, а то и я еще скончаюсь.

– А ты зачем скончаешься? За компанию с Романом? – ничего не понимала Агафья.

– Нет, я не за компанию. Я персонально – от переохлаждения, – авторитетно пояснила Клавдия и потрусила в тепло.

Только, видно, не суждено ей было остаться здоровой – наметанный глаз женщины боковым зрением ухватил странное движение возле кустов, которые тянулись к черному ходу. То есть это был вовсе и не черный, а самый обыкновенный ход для работников клуба. Только если главный вход был оформлен нарядно и с шиком, то с другой стороны забора имелась обыкновенная калитка, которую даже и не заметишь сразу из-за густых зарослей черемухи. И вот именно там Клавдия заметила странное движение.

– Стой, – робко проговорила Клавдия в сторону калитки. Движение прекратилось.

– Руки на голову и медленным маршем ко мне! – уже уверенней приказала она.

Кто-то невидимый приказу не подчинился.

– А ну быстро ко мне! Сейчас орать начну! – рявкнула Клавдия, плюнув на инстинкт самосохранения.

И он вышел.

– Кака? Мать твою! – не удержавшись, ругнулась Клавдия. – Ты-то чего здесь делаешь?

– А ты? – плаксиво завел супруг, дрожа от напряжения. – Сама говорила – санато-о-орий...

Клавдия шумно выдохнула, и с черемухи тут же облетело несколько листиков.

– Скажи мне, несчастье мое, – устало заговорила она, – и на кой черт ты именно сегодня приперся меня ревновать? Ну зачем ты удрал из дома и бросил Тимку? Зачем убил этого несчастного Романа Андреевича? Он же еще не сделал мне предложения руки и сердца!

Акакий перестал дрожать, вытянулся и вообще окаменел.

– Чего молчишь? Замерз? Отвечай, когда жена любопытствует! – ткнула его в бок нежная супруга.

– Клавочка, а что, сегодня опять того... кого-то убили? – проблеял Акакий ¹.

---

¹ О том, как Распузоны раскрывали преступления на территории Агафьи, можно прочесть в книгах Маргариты Южиной «Под каблуком у синего ботинка»,

В это время к ним подлетела взбодораженная Агафья Эдуардовна и, мимоходом кивнув Акакию, затараторила:

– Все, Клавдия, вызвали милицию, обещали быть. Но раньше, чем через два часа не появятся, уж я точно знаю. Пойдемте ко мне, я распорядилась подать кофе и коньяк в кабинет, мне надо срочно успокоить нервы. Чего-то я сегодня так волнуюсь, так волнуюсь...

– Прекрати истерику! – строго приказала Клавдия. – Будто ты не знаешь, что в таких случаях главное – трезвый ум. Я вот, например, когда окончательно протрезвела... когда перестала трястись, сразу же стала соображать. И у меня возникли некоторые подозрения...

– Акакий, да? – с надеждой уставилась на подругу Агафья.

– Нет не да! – прервала ее Клавдия.

– И не я это вовсе! – вытянул шею Акакий Игоревич. – Я сюда... устроиться на работу пришел. Сама, между прочим, звала!

– А кто тогда? – удивленно захлопала глазами Агафья.

Клавдия многозначительно хмыкнула:

– Вроде бы тебе сейчас в кабинет коньяк принесут? Там и поговорим, а то я уже здесь, как ледяная скульптура сделалась.

В теплом кабинете Агафьи Эдуардовны, прихлебывая горячий кофе и вкушая свежие булочки, Клавдия рассказывала:

– Мы когда в баре-то сидели, я сразу на ту черную даму внимание обратила. Так и подумала: она парня отравить хотела.

– А что за дама, если не секрет? – как-то странно спросила Агафья, отводя глаза в сторону.

– Ну такая... тощая, противная, вся в черном. Зря я ее тогда не поймала. А ведь сердце как чувствовало, – с досадой выговаривала Клавдия. – Надо было ее за руку – цап! Знаешь, как я потом мучилась... А потом пришел ко мне папаша Романа и как-то запудрил бдительность. Я решила, что черная женщина – мать Романа Андреевича, которая переодевается в кого попало, лишь бы проследить за своим сыночком. Правда, удивилась: с чего она сына-то траванула? Пусть даже не окончательно, а так, маленько. Вот я своему Дане ни за что бы жгучий перец в рюмку не бросила. А теперь думаю – не мать то была, кто-то всерьез хотел паренька жизни лишить. Ты, кстати, Агафья, напомни мне, чтобы я не забыла про это милиции рассказать.

Агафья Эдуардовна заелозила в громадном кресле.

– Вот тут... тут не нужно торопиться... – как-то странно залепетала она. – И зачем всякую мелочь посторонней милиции докладывать?

– Да позволь, матушка! – поперхнулась булочкой Клавдия. – Какая же мелочь? А мы что, в подозреваемые моего Акакия брать станем? У него, как ты понимаешь, все причины имеются для того, чтобы соперника прикончить.

— Пра-а-авильно... — снова занял Акакий. — Давайте, значит, меня, невинного барашка, посадим в пыльную одиночную камеру, а виноватую черную ведьму отпустим... И не будем о ней просто вспоминать, потому что, видите ли, Агафья Эдуардовна у нас задумала жеманиться...

— Да ничего я не задумала! — набычилась та. Но, поняв, что отвертеться не удастся, объяснила: — Никакая тогда не черная ведьма была. Сейчас я ее вам покажу... Верочка! Пригласите к нам сюда гостью из двенадцатого номера, скажите, что Агафья Эдуардовна приготовила ей сюрприз.

Через две минуты в кабинет робко ступила... Катерина Михайловна, свекровь Клавдии и ветреная матушка Акакия Игоревича. Старушка даже не удивилась, завидев сына с невесткой, а только чуть порозовела дряблыми щечками да сильнее забегала глазками. А вот детки, которые наивно полагали, что матушка уже ублажает в ближайшем зарубежье почтенную свекровь, были немало поражены.

Клавдия так запыхтела, сдерживая гнев, что у Акакия сдуло всю старательно уложенную укладку. И пока супруг торопливо зачесывал длинные прядки обратно на плешь, Агафья, эта хозяйка порочного клуба, смотрела в окно, будто ее совершенно ничего не касается.

Катерина же Михайловна почувствовала, что далее напряжения вынести не сможет, и решила непредвиденную встречу обратить в веселую шутку:

— Самолет летит, крылья стерлися, вы не ждали нас, а мы

приперлися... – слабенько проблеяла старушка, вовсю при-топтывая кривенькой ножкой. Что называется, ринулась в пляс, так обрадовалась родственникам.

– Какой стыд... – выпускала из себя воздух порциями Клавдия. – Почтенная дама никогда бы шагу не ступила в заведение, где тусуются голые мужики. Срам! Позор! Я даже представить себе не могла, что когда-нибудь смогу встретить вас, уважаемая Катерина Михайловна, в столь злачном месте!!

– А я вот знал! Я знал! Я догадался! – радостно подскочил Акакий. – Понимаешь, Клавочка, я ведь сначала топиться пошел...

У Клавдии от такого начала мгновенно прекратила вздыматься грудь, а у Катерины Михайловны выкатились глаза, точно у рака.

– Кака... это ты... ты так переживал свое одиночество? – заклохоталась старушка, глотая слезы.

– А я вам всегда говорила, что он без меня даже утопиться не сможет! – отреагировала Клавдия. – Только не понимаю, причем здесь вы? Кака, ты что-то хотел про нашу мамашу поведать?

– Я и говорю! – продолжал Акакий. – Собрался к реке, но потом подумал – а чего топиться? Сейчас ведь такой холод, лучше, думаю, на люстре спокойненько повешусь, в домашних условиях. И пока висеть буду, Тимке не так скучно будет. Прихожу домой-то, а там уже и Петр Антонович! Гово-

рит, что не мог уехать, потому что как-то случайно в купе потерял Катерину Михайловну, то есть матушку мою. Она, говорит, конечно, мелковата для семейного счастья, но не настолько же, чтобы под вагонную полку закатиться. Решил, что она попросту где-то вывалилась, и приехал домой. А потом мы вместе сообразили, что она запросто может наслаждаться именно голыми мужиками, как ты, Клавочка, правильно заметила.

Клавдия уже сидела, бессильно уронив голову на руки.

– А теперь скажи, несчастье мое, на кой черт тебя потянуло вешаться в домашних условиях? – еле разлепила она губы. – Чего тебе не жилось?

– Ну... у меня случилось такое происшествие... у меня... – стал ковырять ногти Акакий. – Я тебе потом расскажу.

Клавдия вздохнула и вперила очи в почтенную старушку:

– А вы, дражайшая свекровь, куда вас-то от законного супруга понесло?

– Я, конечно, могу объясниться, – затрясла щечками та. – Однако ж хочу тебе, Клавочка, напомнить, что ты сама тоже вела не совсем благочестивый образ жизни. Сколько сил я потратила, чтобы у вас с этим мальчиком отношения не зашли далеко! Сколько здоровья! И пришлось мне напугать мальчика жгучим перцем.

– Агафья Эдуардовна, – укоризненно взглянула на хозяйку заведения Клавдия, – почему вы мне не сказали, что я от-

дышаю под пристальным надзором?

– Клавочка, но вы бы уехали, и я бы не получила прибыли, – выкатила глазки Агафья. – А так получилась двойная выгода – и вы, и ваша матушка. И потом, вы ведь совершенно бесплатно веселили моих клиентов. А поскольку больше мне их удержать было нечем...

Клавдия Сидоровна только вздела глаза к потолку:

– С ума сойти! Одна держит меня вместо циркового пуделя, другая травит моих кавалеров...

– А потому что я хотела у него выработать стойкий рефлекс – как он тебя видит, у него сразу же во рту начинает гореть! – затараторила Катерина Михайловна, оправдывая свой недостойный поступок. – Не могла же я допустить, чтобы моя невестка бросила Акакия. Видишь: даже краткая твоя отлучка чуть не стоила ему жизни!

Клавдия криво усмехнулась:

– Ну, знаете, милейшая Катерина Михайловна... Зато, думаю, ваше долгосрочное отсутствие пойдет ему на пользу.

Старушка занервничала:

– Какое мое отсутствие? Ты хочешь нас с Петром Антоновичем выселить обратно в нашу квартиру? Но у нас там живут постояльцы, которые заплатили за полгода вперед!

– Ничем не могу помочь, – нагнетала обстановку Клавдия. – Роман погиб, убийца не найден, а у вас такое смутное поведение... Вас немедленно упекут на пятнадцать лет в колонию строгого режима.

– Я не хочу строгого режима! – взвизгнула Катерина Михайловна. – Я натура тонкая, не вынесу никакой строгости! В общем, так. Ты просто обязана найти настоящего убийцу. Или... или не настоящего, но кого-нибудь найти, чтобы любезно согласился за меня отсидеть. Да что я такое говорю? Я никого не убивала! Я сидеть не собираюсь! И ты должна, ты просто обязана найти преступника, чтобы не позорить нашу фамилию. А то, если я правильно поняла, Акакий тоже попадает под подозрение.

– А вот и нет, – сопротивлялся сын. – Мне срочно понадобились деньги, и я пришел, чтобы устроиться к Агафье на работу. Это все знают, и любой вам подтвердит!

Акакий Игоревич и в самом деле некоторое время работал у Агафьи Эдуардовны в зимнем саду – лечил цветы. Уж что-что у Акакия получалось, так это исцелять растения. Однако ж очень скоро цветочки он вылечил, вбил в голову Агафьи рекомендации по уходу за насаждениями, и его помощь отпала сама собой. Но в свете последних событий, он вспомнил, что растениям необходимо срочно пройти курс оздоровления, потому как ему немедленно потребовались деньги, дабы расплатиться с сыном (он так и не отважился сознаться Данилу в том, что его надули, как младенца с пустышкой). Пусть Акакий Игоревич потратит на это свое драгоценное время, главное, чтобы Агафья Эдуардовна щедро заплатила. Осталось с ней только договориться. С тем и пришел.

Однако в клубе Акакий был немало удивлен, увидев среди оголенных мужчин свою благочестивую супругу, да еще в том идиотском ее купальнике с бабочкой. Конечно, как любой супруг, он решил проследить – позарится ли кто-нибудь из мужчин на его драгоценность или он один такой дурак, что на ней женился. Слежка не удалась по ерундовой причине – с кем-то что-то стряслось. Но в момент, когда Акакий попытался исчезнуть по-английски, он напоролся на собственную жену. И вот теперь получается, что чуть ли не он собственными руками пустил пулю в лоб несчастного молодого человека. Теперь скорее всего Агафья откажется от его услуг по оздоровлению цветов, пока не найдется настоящий убийца. А ведь Акакию так нужны деньги! Хотя минуточку... Кажется, способ заработать их все же есть.

– Клавочка, но маманя права! – воодушевленно мотнул головой Акакий Игоревич. – Непременно надо отыскать мерзавца, который отстреливает клиентов Агафьи. Агафья Эдуардовна, приготовьте крупную сумму, я берусь расследовать убийство.

– Не ты, а мы, – поправила Клавдия. – Но в целом ты прав. – Агафья, приготовьте деньги.

Агафья Эдуардовна подавила вздох. Ничего не попишешь, Распузоны правильно говорят. Действительно, надо найти подлеца, который так бесстыже совершил убийство паренька прямо на территории ее процветающего клуба. Репутация клуба никогда не стоила дешево.

– А чего их готовить? – пробубнила она. – Вы мне преступника приготовьте, а уж я с оплатой не задержу.

И ей стоило верить. Клавдия Сидоровна и Акакий Игоревич Распузоны уже имели счастье работать на Агафью Эдуардовну, и всякий раз дама щедро их вознаграждала. Поэтому Клавдия Сидоровна приступила к делу немедленно.

– Итак, мой план действий таков: сейчас вы, золотые мои родственнички, едете домой... Маманя, не коситесь на оголенных клиентов, я про вас сейчас говорю! Да, а чтобы вы там находились в полной сохранности, я отправлю к вам Жору... Кака! Не подмигивай Агафье, Жора именно тебя будет охранять особенно бдительно, мне не понравилось твое увлечение суицидом. А я... я дождусь милицию, и, может быть, мне удастся что-нибудь выведать. Хотя... Что милиция способна рассказать, если и сама ничегошеньки не знает? Но у милиционеров большие возможности, они могут что-нибудь нарыть. А теперь все тихо! Я звоню Жоре...

Георгий Шаров, или попросту Жора, являлся молодым, успешным бизнесменом. Все время он тратил на то, чтобы что-то покупать, потом продавать и получать за это деньги. Денег у него уже было достаточно, с их помощью решались проблемы, свершались мечты, но вот радости они мужчине не приносили. Напротив – все чаще бизнесмен страдал оттого, что в жизни нет трудностей, препятствий и экстрима. Из всех развлечений Жора придумывал каждый раз одно и то же – женитьбу. Девушки для этой цели выбирались разные,

однако реагировали они всегда одинаково – после того, как Жоре надоедало развлекаться, то бишь жениться, и он общал, что свадьба отменяется, его обязательно били. Причем всем родственным кланом очередной невесты. Радости от того было не много, а потому Жора страшно любил крутиться возле Распузонов – те вляпывались в настоящие преступления, находили настоящих преступников, и, что удивительно, никто их за это не бил. Мало того, им даже иногда выражали благодарность. Как бы там ни было, на Жорино участие Распузоны всегда могли рассчитывать. Вот и сейчас, едва взяли трубку, Клавдия сразу же уверенно отчеканила:

– Жора. У нас труп. Нам срочно нужна твоя помощь. Сейчас же едешь к Агафье, забираешь Каку с его ма... Нет, Жора, не с его макакой, а с его маменькой. И срочно везешь их домой, под твой пристальный арест. Жора, они не должны даже носа на улицу высовывать! Что? Ну конечно, ты можешь их привязать к креслам, но, думаю, это лишнее. Жду.

И она обвела всех присутствующих победным взглядом.

– Ну все, дорогие мои, я уже приступила к расследованию. Собирайтесь, встретимся дома...

Акакий Игоревич, смутно подозревая, что вожаки денежки плавно перетекают из его кармана в супружеский, стал заметно нервничать:

– Клавочка! А вот я считаю... я считаю, что нам с тобой лучше остаться здесь вместе и вместе вести допрос милиции, потому как я...

– Потому как ты уже полностью потерял бдительность, да? – прищурилась Катерина Михайловна. Ей вовсе не хотелось никуда уезжать – здесь стали намечаться ужасно интересные события. И потом, эти милиционеры всегда такие славные, мужественные ребята. Но уж если ей придется терпеть лишения, то пусть она терпит их не в одиночестве! – Ты потерял бдительность и забыл, что ты – основное подозреваемое лицо. А я помню. И мне, как сознательной гражданке, придется поделиться с милицией своими соображениями.

– Вы хотите сдать собственного сына? – вспыхнул сынок. – Мама, вы – Павлик Морозов!

– Ваша беседа затянулась, а маменьке, между прочим, надо еще и вещи собрать, – напомнила Клавдия. – Мама, поторопитесь, а то придется вам домой добираться пешком.

Через полтора часа родственники были успешно выдворены за ворота нудистского клуба, а Клавдия сидела перед молодым, но очень серьезным мужчиной, который представился Сергеем Анатольевичем Рубцовым, и, размахивая руками, рассказывала, какой ужас ей сегодня выпало пережить. Конечно, ни про свою свекровь, ни про своего мужа она даже не намекнула. Незачем вносить в следствие путаницу. Когда уставший майор милиции закончил задавать ей вопросы и собирался приглашать другого свидетеля, Клавдия Сидорова встрепенулась.

– Я сегодня всю ночь не смогу уснуть. – Она приложила

к глазам огромный носовой платок Акакия Игоревича. – Я так переживаю! И кто же тот негодяй, который убил Романа? Неужели вы даже не предполагаете? Хотелось бы узнать, кого вы лично уже начали подозревать?

Рубцов дернул бровями и откровенно признался:

– Лично я начал подозревать уже всех. Например, вас.

– Ме-ня?! – поперхнулась Клавдия. – Да вы с ума сошли!

Я страшно любила этого ребенка!

– Как выяснилось, у вас с пострадавшим имелись некоторые... отношения. И вы относились к нему совсем не как к дитяти... – проявил Рубцов завидную осведомленность.

– Вздор! Он мне был... он был мне, как... как сын! – Клавдия даже надрывно прогудела, что означало печальный стон. А потом быстро переспросила: – Нет, вы что, в самом деле вот так взяли и начали меня подозревать, да? Даже не мечтайте! У меня дочь, между прочим, в вашем же аппарате работает. Уж Анна Акакиевна сможет вам объяснить, что я вообще к преступлению не готова. И муж мой Акакий Игоревич тоже. Кстати, если кто-нибудь вам скажет, что его здесь видели, не верьте – завидуют! Простите, я могу уже идти? Ужасно подскочило давление...

Сергей Анатольевич вздохнул, гражданочку отпустил, но у себя в блокнотике черкнул «Узнать про Анну Акакиевну, позвонить». И только потом зычно гаркнул:

– Следующий, пройдите!

В это время Клавдия уже неслась домой в такси, заботли-

во вызванном Агафьей. Всю дорогу она только молча пыхтела, но решила сразу же, как только придет домой, поведать ближним в ярких красках, сколько мучений она претерпела. Поведать не удалось – едва она переступила порог, как перед ней во всей красе выстроились все ее домочадцы со своими мучениями.

– Клавочка! Я попросила бы тебя обратить внимание... – немедленно застрекотала Катерина Михайловна. – Жора буквально держал нас голодом! Признайтесь, сатрап, отчего вы не дали нам даже хлебushка?

Сатрап, то есть могучий рыжий Жора, только беспомощно бегал глазками – ему еще никогда не приходилось стеречь своих хороших знакомых.

– Клавдия Сидрна, ну чем я их накормлю, если у вас в холодильнике только один мороз? Даже захудалого сервелата не валяется!

– А еще у нас там не валяется захудалого кефира, обратите внимание, Клавочка, – поднял крючковатый палец Петр Антонович. – И понятное дело, мы сидели голодом!

– Я не мог бросить пост! – гордо вытянулся в струнку Жора.

– Жора, ну что же ты? Надо было просто заказать им пиццу на дом, – устало проговорила Клавдия.

Жора мгновенно преобразился и с явным облегчением накинусь на Распузонов:

– Да! Что же вы? Надо было вам просто заказать пиццу на

дом! А то – хлебу-у-ушка... Да просто есть не хотели. А я вот сейчас себе закажу. Клавдия Сидрна, вам заказать?

– Закажи, голубчик, – милостиво позволила та. Подумала немножко и добавила: – А к пище жареного цыпленочка, крабовый салатик и торт «Президент».

– И все это в пятикратном размере! – быстро встрял Акакий Игоревич и с любовью уставился на супругу. Заметив, что та расслабилась от его обожающего взгляда, дополнил заказ: – И пол-литра коньячка. Моя супруга достойна пить только коньяк!

– Ведрами... – пробубнила себе под нос Катерина Михайловна, но против подобного меню возражать не стала.

Дожидаясь, пока привезут еду, Клавдия уселась в центре комнаты и торжественно провозгласила:

– Дорогие мои соотечественники, родственники и просто граждане. Сообщаю вам прискорбную весть...

– Неужели отказались возеи пиццу? – испуганно ахнул Петр Антонович.

– Р-разговорчики! – рявкнула Клавдия, и в комнате повисла тяжелая пауза. – Мы приступаем к преступлению.

– Теперь сами преступление совершать будем? – не поверил Акакий.

Его матушка тут же оживилась и радостно зачастила:

– А я вам давно говорила – честным трудом денег не заработать, давно пора выходить на большую дорогу. Я счастлива, что ты, Клавочка, наконец-то допетрила.

– Я вовсе не то хотела сказать! – снова повысила голос Клавдия Сидоровна. – Я хотела сказать, что мы с вами приступаем к серьезной работе – к раскрытию преступления. И каждый – слышите, каждый! – будет вносить посильный вклад. Только так мы сможем искоренить преступность во всем городе.

Домочадцы сурово нахмурились, выражая готовность искоренять преступность немедленно.

– Вы, маманя, – продолжала Клавдия. – Будете нести свою почетную вахту на кухне...

– На кухне? – скисла бравая маманя. – Но... кого же я там обнаружу?

– Крупы, соль, мясо и все необходимое, чтобы варить нам первое, второе и третье. Работников невидимого фронта надо сытно кормить!

Катерина Михайловна перекривилась, но спорить не отважилась, решив что еще поговорит с Клавочкой перед сном. Аргумент против такого задания у нее имелся солидный: Катерина Михайловна не вставала к плите уже лет пять и запросто могла перетравить всех работников невидимого фронта.

– Вы, Петр Антонович, – указательный палец Клавдии ткнулся в грудь старшего мужчины, и тот даже закричал от напряжения, – станете бегать за продуктами. Ни мне, ни Акакию этим заниматься будет просто некогда.

Акакий важно покосился на родителей и вздохнул. Мол, да уж, тяжела она, сыщицкая ноша.

– А ты, Кака, займешься генеральной уборкой квартиры. У меня, то есть у сыщика, должно быть все чистое – и помыслы, и руки, и квартира. Так что тебе некогда окажется вешаться и топиться. Кстати, я все время забываю спросить – а чего это тебя потянуло самоубиваться?

– Мне не хватает жизненного тепла и ласки! – слабо пискнул Акакий Игоревич свой лозунг протеста.

– Вот-вот, я и говорю: тебе надо укреплять психику и искать смысл жизни. И ничего страшного, если ты станешь искать его с тряпкой в руках, – бесстрастно продолжала Клавдия. – Кстати, по поводу тепла и ласки. Не забудь купить кипятильник, у нас отключают горячую воду. И обязательно Тимке витаминов. Он без них звереет, никакой ласки от него не дождешься. А уж я возьму на себя самое тяжелое – собственно расследование. Жора, не забудь, нам завтра понадобится авто. И все же, Кака, отчего ты кинулся вешаться?

Как Акакий ни крутил, вечером ему пришлось во всем сознаться. Произошло это так.

Семейство доедало остатки привезенного заказа, когда в дверь позвонили.

– Кака, не смей открывать, это за тобой милиция, – предупредила Клавдия. – Спрячься в шкафу, я сама открою.

И пока Акакий пытался протиснуться в маленький кухонный шкафчик, Клавдия уже ворочала в прихожей ключами.

– О-о-о-ой, детки мои... – радостно запела она, открыв дверь. – Анечка, Даня! А чего вы без своих? Или случилось

чего?

– Сейчас узнаем, – неопределенно пожал плечами Данил, вошел в кухню и заполнил собой все пространство. – Приятного аппетита.

– Да какой уж там аппетит... – вздохнула бабушка, доедавшая седьмой кусочек тортика. Подскочила: – Садись, Данюша! Анечка, садись, детка! Сейчас мама еще по телефону что-нибудь закажет. Просите суши, а то я его еще никогда не пробовала.

Ни Даня, ни Аня ничего заказывать не стали. Они уселись напротив Акакия и молча чего-то ждали. Под их взглядами Акакий чувствовал себя ужас до чего неуютно.

– Ну, пап, давай, говори, – начала Аня.

– Да! – тут же уперла руки в бока Катерина Михайловна. – Говори! Чего сидишь-то, как филин? Отвечай мамочке! Аня, детка, скажи, чего он такого должен говорить, а я буду тыкать его лопаточкой.

– Баб Кать, вы бы вышли ненадолго... – попросила Аня.

Катерина Михайловна с возмущением обвела всех взглядом, приглашая подивиться эдакой наглости. Однако Клавдия Сидоровна, у которой на подобные ситуации был собачий нюх, произнесла волшебную фразу:

– Маманя, вот вам деньги, сбегайте с Петром Антоновичем в магазин, купите чего-нибудь к ужину и себе конфет. Петру Антоновичу можешь купить новые носки.

Поскольку деньги на носки выдавались крайне редко, а

Каку ругали почти ежедневно, Катерина Михайловна и минуты не раздумывала.

– Петруша! Быстро вымой ноги, мы пойдем мерить тебе носки!

После того как пожилая чета стремительно удалилась, на мужа уже надела и Клавдия:

– Признавайся, чего такого натворил, что дети принесли в полном составе?

– Мам, ну не кричи, может, еще и не случилось ничего, – остановил материнский пыл Данил. – Пап, зачем ты взял сто тысяч? Если тебе...

– Ох и ничего себе не случилось! – подскочила Клавдия и тряхнула мужа за грудки. – Куда деньги дел, сволочь?

– Мама! – в голос завопили дети.

– Я... я их... – чуть не плакал Акакий Игоревич. – Я их отдал... Между прочим, Анечка, за твое полное освобождение!

Дальше юлить не получалось, и Акакий Игоревич скорбно поведал историю, как его обвели вокруг пальца псевдопроисшествием, случившимся с Аней. Естественно, про работников театра не прозвучало ни слова. Достаточно и того, что Акакий осветил, как он сплеховал с деньгами.

– Гы! – загоготал Жора. – И вы повелись, да? Ну, Акакий Игрич, вы даете! Так же только лохов накалывают! Я уж давно про такое знал! Меня еще три месяца назад накололи!

– Чего ты обрадовался-то? – рыкнула на него Клавдия. –

Кака дурак, конечно, но и я бы так же поступила. Когда уж тут думать, если с ребенком беда приключилась! Кака просто любящий отец.

Акакий от супруги поддержки не ждал, поэтому даже немножко приосанился.

– Вот-вот, – уже спокойно качнул он головой, – любящий отец. И если еще такое случится, так я не задумываясь снова все отдам! Вот у Дани займу и отдам!

– Не надо, – отозвалась Аня. – Тем более не задумываться...

– Тем более у Дани... – поддержал ее братец.

– А чего ему думать? – хмыкнула Клавдия. – С завтрашнего дня он у нас с утра занимается уборкой квартиры, а с девятнадцати ноль-ноль до двадцати одного ищет аферистов, которые у него сто тысяч выманили. Ты хоть собаку-то ту помнишь, которая с одуванчиками была? Будешь по собаке искать.

– Нет-нет! – решительно прервал ее Данил. – Деньги, конечно, не маленькие, но и не смертельные. Так что, папа, забудь про них, – подвел черту Данил. – Я и пришел с Аней, чтобы она тебя порасспросила да предупредила, чтобы ты не вздумал их сам разыскивать.

– Да уж, точно, – поддержала брата Аня. – Пап, дай-ка мне твой сотовый... Ну не жмись, я верну. Надо же нам узнать, в какой компании ты зарегистрирован. Через компанию, думаю, и на вымогателей выйдем. И еще. Серьезно, не лезьте в

это дело, а? Вы только нам все испортите.

Акакия такое положение вещей вполне устраивало. Чего там, вот уже несколько дней он ходил с ужасным грузом в душе, а сейчас будто вагон с плеч съехал.

– Анечка, не переживай, я не полезу. Оно для меня слишком простое. Чего там искать! Сходил в компанию, узнал номер телефона и бери их голенькими ручками... Тем более тут у нас как раз...

Клавдия была начеку и, чтобы супруг не наговорил лишнего, быстренько ткнула его по головушке мощным кулачком.

– Ешь давай! – сунула она ему под нос тарелку с обглоданными куриными косточками. – Вот никак не могу его есть заставить, все мелет чего-то и мелет. Собирает всякую ересь. Ешь говорю!

Акакий послушно потянулся за обглоданной костью. Однако Аня уже насторожилась. И если бы в тот момент не вернулись Катерина Михайловна с супругом, пришлось бы теперь Клавдии Сидоровне выкручиваться – дети совершенно не хотели допускать родителей до криминалистики.

– Клавочка! – восторженно закричала Катерина Михайловна прямо с порога. – Ставь немедленно самовар, мы принесли замечательные пряники! Изумительные! Только они немножко несвежие, их придется размачивать в чае!

Изумительные каменные пряники дети есть не стали. Аню ждала ее семья, а Даня торопился домой к жене Лиличке –

его супруга находилась в интересном положении и страшно волновалась, если Даня задерживался. Ей сразу же начинало казаться, что он решил поменять пополневшую супругу на тонких и звонких девиц, завел себе парочку любовниц и даже посадил новенькую молоденькую секретаршу возле своего кабинета.

Клавдия Сидоровна, выпроводив также и Жору, усадила все семейство возле телевизора и направилась было в ванную, чтобы в тихом одиночестве продумать, куда в первую очередь направить свои стопы, дабы быстрее отыскать коварного преступника. Но на полпути ее остановил прерывистый телефонный звонок.

– Алло, Клавдия слушает, – красиво ответила она.

В трубке что-то зашуршало, а потом чей-то старческий голос проскрипел:

– Мне не нужна никакая Клавдия. Мне надо подать Петрусю!

– Но... простите, у нас никакой Петруси нет... – не сразу сообразила Клавдия Сидоровна.

Тут же с дивана в гостиной раздался обиженный вопль:

– То есть как это нет?! А я, простите, куда подевался?! – подскочил к ней Петр Антонович. – Это меня! Меня мамочка так зовет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.